

Дарья Коробицына

Завоевание гортензии

18+

Дарья Коробицына

Завоевание гортензии

<https://litres.ru/74659098>

SelfPub; 2026

Аннотация

Твой дом больше не твоя крепость. Твоя комната больше не принадлежит тебе.

Хина Коулнс всегда считала свою жизнь чередой неудач. Но появление нового учителя истории, статного и загадочного Адама Виттчеса, раскрасило её серый мир яркими красками. Тайное ночное СМС, золотой греческий браслет под рукавом свитера и... отремонтированная дверца шкафа, внутри которого Хина находит алую розу. Адам вошел в её жизнь под легальной маской доброго друга её матери, и Хина засыпает с абсолютной верой в то, что встретила своего ангела-хранителя.

Но пока Хина мечтает о новых встречах, ловушка вокруг неё захлопывается изнутри. Почему у её идеального учителя пропал дорогой Ролекс, почему он прихрамывает, а в его машине пахнет жжёной резиной? Узнайте, как далеко может зайти циничный хищник, для которого преданность влюбленной девочки — лишь разменная монета для закрытия криминальных долгов

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Дарья Коробицына

Завоевание гортензии

Глава 1

Пришла весна,
Тепло настало
И появился новый
Молодой поэт.
ПРОЛОГ

Я проснулась с одной-единственной мыслью: больше я этого не вытерплю. Не смогу вынести то, что со мной делают сейчас, что приготовлено мне в будущем и что уже сотворил со мной он.

Худые, истощенные постоянным голодом ноги с трудом удерживали такое же хрупкое, исхудавшее тело. Я на ватных ногах дошла до ванной комнаты. Каждый шаг давался с трудом, но внутри горела отчаянная решимость. С величайшим усилием мне удалось протиснуться в узкую створку открытой форточки. Я никогда не считала, сколько этажей в этой проклятой высотке, ставшей для меня тюрьмой, но знала точно — больше семи.

Мой последний вдох прохладного, свободного воздуха. Ни секунды на раздумья или жалость к себе.

Шаг в пустоту. Глухой удар и резкая вспышка боли, разорвавшая тело. Страдания наконец закончились. Я больше не могла терпеть.

Утро началось как самое обычное, унылое осеннее утро. За окном монотонно моросил мелкий дождь, словно напоминая: теплые дни позади, впереди лишь мрачные, бесконечные учебные будни. Я искренне не любила учиться. Бесконечные уроки, зубрежка и горы домашних заданий выжимали из меня все соки. Единственной отдушиной в этих муках была история. Сегодня по колледжу поползли слухи, что у нас появится новый учитель. В глубине души теплилось слабое любопытство: сможет ли он по-настоящему увлечь студентов и рассказать хоть что-то, чего я еще не знаю?

Кое-как оторвав голову от подушки, я поплелась к зеркалу. Из глубины отражения на меня посмотрело нечто совершенно невзрачное: тусклые, жидкие рыжие волосы, серые глаза с набрякшими от вечной бессонницы веками, бледные, искусанные в кровь губы и маленький нос-закорючка. Самая заурядная, серая внешность. Мама, конечно, с завидным упорством твердила, что я красавица. Чтобы не ранить ее чувств, я послушно кивала и делала вид, будто верю.

В мои восемнадцать лет мама была куда привлекательнее. Наверное, поэтому она и забеременела так рано. Но мне подобная участь точно не грозила — у меня просто-напросто не было парня. Да и не бывало никогда. Мои ровесницы меняли ухажеров как перчатки, но куда мне до них с моим ли-

цом? Да и, если честно, никакого желания крутить романы я не испытывала.

Мне бы просто дотянуть. Кое-как закончить этот дурацкий колледж, а после — до конца дней гнить на какой-нибудь монотонной работе, повторяя судьбу миллионов. Бесконечный, серый конвейер, лишенный всякого смысла. Но раз так живут все вокруг, значит, и мне придется искусно имитировать жизнь.

— Хина! Учебный год только начался, а ты уже решила опоздать? — донесся с кухни требовательный мамин голос.

— Нет, я почти собралась! — крикнула я в ответ.

Пора было ускоряться. Я быстро забежала в ванную, умылась, почистила зубы и вернулась в комнату. На кресле у шкафа уже ждал идеально выглаженный мамой наряд: широкие синие джинсы и пушистый белый свитер. Быстро причесав непослушные пряди и перехватив их резинкой в низкий хвост, я натянула одежду, попутно прокручивая в голове, все ли тетради забросила в рюкзак.

— Хина, ну сколько можно тебя ждать? Нужно успеть позавтракать!

— Уже спускаюсь! — отозвалась я, подхватывая сумку.

Стоило переступить порог кухни, как в нос ударил упоительный аромат свежеспеченных блинчиков. В животе призывно заурчало. Мама стояла спиной ко мне у раковины, старательно протирая полотенцем и без того чистую сковороду. Я опустила на стул и принялась за еду, исподтишка раз-

глядывая ее. В свои тридцать три года мама выглядела потрясающе. Яркие рыжие волосы — гладкие и шелковистые, совсем не то что моя солома. Огромные голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, четкие брови, точеный носик и пухлые розовые губы. И все это великолепие было щедро усыпано очаровательными веснушками. Вот это действительно красивая женщина.

Только улыбалась она слишком редко. Улыбка покинула ее лицо, когда от нас ушел отец. Мне тогда едва исполнилось четыре года, и в моей памяти остались лишь обрывочные слайды: его русые волнистые волосы, серые глаза и тонкие губы. Судя по всему, свою невыразительную внешность я унаследовала именно от него. Родители постоянно скандалили. Папа изводил маму дикой ревностью, хотя она никогда не давала для этого повода. Зато сам глава семейства, если верить рассказам бабушки по отцовской линии, частенько пускался во все тяжкие и грешил блудом. Наверное, эта фальшь и разрушила их брак.

— Ты так и будешь гипнотизировать пустую тарелку, милая? — ласково прервала мои мысли мама, повернувшись ко мне.

— Ой, нет. Спасибо за завтрак, блинчики как всегда божественны, — ответила я, поспешно поднимаясь со стула.

— Тогда бегом на учебу, а то точно опоздаешь.

Я поставила тарелку в раковину и нежно поцеловала маму в щеку. Господи, я даже представить не могу, через какой ад

ей пришлось пройти, чтобы поднять меня на ноги в одиночку. Но надо отдать ей должное — она справилась на отлично.

Закинув рюкзак за плечо и попрощавшись, я шагнула за порог, изо всех сил стараясь отогнать тяжелые мысли о родительском прошлом.

До колледжа было всего семь минут ходьбы. Забавно: многие считают семерку счастливым числом, но только не я. В удачу мне не верилось — вся моя жизнь казалась сплошной, непрекращающейся полосой невезения. Уход отца, внезапная смерть бабушки, злые, жестокие ровесники, без конца цепляющие меня за огненно-рыжие волосы, и пугающая худые очертания тела, которую ничем невозможно было исправить... А теперь еще и эта учеба. Больше всего на свете мне хотелось просто исчезнуть, раствориться в воздухе. Но как же мама? Как она перенесет это? Сначала ее бросил муж, а потом исчезнет единственная дочь... От этих мыслей становилось тошно. Я судорожно тряхнула головой, пытаюсь выбросить их из памяти.

Сама не заметила, как очутилась перед ненавистным зданием. Этот огромный серый массив словно пытался раздавить меня своим весом, стоило переступить порог. Впрочем, к этому давящему чувству я давно привыкла. Поднимаясь по ступеням к кабинету истории, я лениво размышляла о новом учителе. Кем он окажется? Очередным дряхлым стариком, от которого за версту пахнет сыростью и пыльными архивами? Или вчерашней студенткой, которая едва успела полу-

читать диплом и через пару месяцев упорхнет в декрет? Хотя какая разница. Ни один преподаватель до сих пор так и не смог пробудить во мне хоть каплю интереса.

В классе уже кипела жизнь. Отовсюду доносились громкий хохот, обрывки сплетен и крики. К моему удивлению, первая парта во втором ряду пустовала. Идеально. Постаравшись слиться с тенью, я скользнула к месту и тихо села. Но, как назло, удача снова отвернулась от меня. Мое появление не укрылось от глаз тех, кого я ненавидела сильнее всего на свете. Сю, Молли и их верные тени — Кайл и Грэй.

— О, глядите-ка, наша рыжая свинка соизволила явиться! Вот уж радость, — с издевкой в голосе пропела Сю на весь кабинет.

— И даже не опоздала. Значит, у нас полно времени, чтобы повеселиться, — подхватила Молли, мерзко захихикав.

Началось. Четверка двинулась ко мне вальяжной, полной превосходства походкой. Не успела я опомниться, как Грэй и Кайл мертвой хваткой вцепились мне в плечи и резко вздернули со стула. Сю брезгливо подцепила двумя пальцами прядь моих волос, покрутила перед моим носом и резко отбросила в сторону.

— Ты когда-нибудь перекрасишь эту паклю, свинка? Ужас какой.

— Сомневаюсь, что в нашем заведении позволительно так общаться с соученицей, — раздался вдруг из-за их спин резкий, грубоватый, но удивительно приятный голос.

Это был он — новый учитель. Высокий, с черными, как смоляное крыло, волосами и пронизательными карими глазами. На нем была слегка помятая белая рубашка и такие же небрежные серые классические брюки. На вид ему можно было дать года тридцать два: на лбу и в уголках губ уже пролегли неглубокие мимические морщины. Несмотря на некоторую неопрятность в одежде, держался он статно и уверенно.

Сью и ее шайка мигом растеряли всю спесь и послушно засели за свои парты. В ту же секунду пронзительно зазвенел звонок, объявляя о начале занятия. Класс моментально притих.

— Доброе утро. Меня зовут Адам Виттчес. С сегодняшнего дня я ваш преподаватель истории, — сухо представился мужчина.

Он подошел к доске и размашистым, на удивление каллиграфическим почерком вывел свое имя. Затем опустился в потрепанное кресло за рабочим столом, достал из кожаной папки стопку бумаг и бегло осмотрел аудиторию, ни на ком конкретно не задерживая взгляд.

— Тема сегодняшнего занятия — предпосылки и причины Гражданской войны в США, — почти процедил он сквозь зубы.

«Ясно, — подумала я, — очередной сухарь. И этот не сможет меня заинтересовать».

Но не успела я разочароваться окончательно, как мистер

Виттчес поднялся и начал раздавать нам листы. Это были рисунки, выполненные от руки искусными, тонкими штрихами — судя по всему, иллюстрации к теме занятия. При этом у каждого на парте оказалась уникальная картинка.

— По очереди встаем, называем имя и описываем то, что изображено на вашем листе, — скомандовал учитель.

Студенты один за другим начали подниматься, монотонно бубня стандартные описания. Наконец очередь дошла до меня. Сердце предательски екнуло.

— Хина Коулнс, — тихо, стараясь скрыть дрожь в голосе, произнесла я. — На моем рисунке... в самом сердце композиции разворачивается яростный рукопашный бой. Солдаты Севера в синих мундирах и конфедераты в серых сошлись лицом к лицу на вершине холма. Центральный элемент здесь — полковое знамя, вокруг которого идет борьба не на жизнь, а на смерть. Один из южан отчаянно тянется к древку, в то время как северянин замахивается на него прикладом мушкетера. В их лицах нет плакатного героизма. Только предельное напряжение сил и первобытный страх перед смертью.

В аудитории повисла тишина. Мистер Виттчес впервые за весь урок оторвал взгляд от своих бумаг и поднял голову. Он посмотрел на меня с каким-то детским, жадным любопытством — словно ученый, который внезапно наткнулся на невиданный ранее редкий артефакт. Впрочем, этот вспыхнувший интерес угас так же быстро, как и появился. Преподаватель кивнул, и опрос продолжился.

Вскоре прозвенел финальный звонок. Кабинет мгновенно опустел: однокурсники с шумом вылетели в коридор. Задержалась только я.

— Коулнс, задержитесь и соберите рисунки с парт, — не оборачиваясь, бросил мистер Виттчес.

Я молча обошла класс, сложила листы в аккуратную стопку и подошла к его столу. Опустив бумаги перед учителем, я развернулась, собираясь как можно скорее покинуть кабинет.

— Хина, верно? — спросил он, не поднимая глаз от бумаг.

— Да, — робко, почти шепотом выдохнула я.

— Вижу, тебе очень нравится история, это похвально. Сегодня ты получила высший балл. Можешь быть свободна.

Учитель снова уткнулся в свои документы, давая понять, что разговор окончен.

— Спасибо, мистер Виттчес, — прошептала я и поспешила выскользнуть из кабинета.

Меня впервые в жизни похвалил преподаватель. Уже в коридоре я поправила волосы и поймала себя на том, что глупо, несмело улыбаюсь. Внутри расцветало странное, незнакомое чувство — трепетное, ни на что не похожее. Мистер Виттчес определенно зацепил мое воображение.

Знала бы я тогда, чем обернется этот безобидный интерес.

Глава 2

Обещаю отдать своё сердце,
Когда привяжусь я полностью к вам.
Поверьте, оно так же бьётся,
Как горит никому не нужный хлам.

Следующие два дня я существовала на автопилоте. Английский, химия, биология — все эти предметы сделались серым шумом, декорациями. Мои мысли требовали только одного — истории. Я раз за разом прокручивала в памяти его заинтересованный взгляд, его глубокий, почти магический голос. Особенно тот момент, когда он произнес мое имя.

И почему он выделил именно меня? В группе полно ребят куда умнее, да и рисунки некоторые описали объективно лучше. Из-за чего выбор пал на заурядную Хину Коулнс? Разум твердил, что это просто слепая случайность. Но глупое, изголодавшееся по теплу сердце отчаянно цеплялось за мысль, что мне повезло. Хотя бы раз в жизни. Предвкушение завтрашнего дня, где третьим уроком стояла история, согревало меня изнутри. С этими противоречивыми мыслями я сама не заметила, как провалилась в сон.

Утром меня бесцеремонно выдернул из гремлинских снов истощный визг будильника. Кое-как, со второй попытки мне удалось заткнуть этого громкоголосого пластикового толстяка. Я открыла глаза и зажмурилась: в комнату непривыч-

но нагло ломились солнечные лучи. В нашем городке почти круглый год небо затянуто свинцовыми тучами, так что солнце здесь — событие национального масштаба. За окном всюю распинались птицы, еще не успевшие улететь на юг.

«Может, это знак? — подумала я, сладко потягиваясь. — Может, я не зря все эти дни бредила мистером Виттчесом?»

Хотелось верить. Я скользнула взглядом по креслу у шкафа. Там ждали все те же привычные джинсы, но вместо белого верха мама приготовила свитер моего любимого, глубокого зеленого цвета. Улыбнувшись, я соскочила с кровати. Настроение было на удивление легким и приподнятым.

Я быстро оделась, а затем замерла перед зеркалом. Рука сама потянулась к косметичке, которой я почти никогда не пользовалась из-за вечной усталости и безразличия. Но сегодня мне отчаянно захотелось казаться лучше. Я аккуратно подкрасила ресницы, тронула губы блеском и уже собиралась стянуть волосы в дежурный хвост, но передумала. Пусть будут распущенными — сегодня они ложились мягкими, послушными волнами. Я втайне надеялась, что он снова посмотрит на меня так же.

На кухню я спустилась раньше обычного. Завтрака на столе не было — мама еще крепко спала. Впрочем, аппетита я все равно не чувствовала. Перехватив из холодильника бутылочку питьевого йогурта, я выскочила на улицу.

Серое, некогда ненавистное здание коллежда сегодня не казалось таким уж зловещим. Обычная кирпичная коробка,

каких полно. Внутри царили непривычная пустота и гулкое молчание. Стоило бы всегда приходить пораньше, если бы я так сильно не любила поспать. Но сегодня утро казалось особенным. Из-за истории. Из-за него.

Проходя мимо кабинета ректора, я вздрогнула от оглушительного грохота — кто-то с силой захлопнул дубовую дверь. От неожиданности я испуганно вжалась в стену за углом, затаив дыхание. Из кабинета донеслись тяжелые, стремительные шаги.

На пороге показался мистер Виттчес. И он был совершенно не похож на того спокойного, статного мужчину с нашего первого урока. Он был в ярости. Черные классические брюки и зеленая рубашка с небрежно закатанными рукавами — точь-в-точь под цвет моего свитера — выглядели жеваными, словно он в них спал. Безупречная прежде прическа была яростно взъерошена, а на скулах ходили ходуном желваки.

Мистер Виттчес резко повернул голову в мою сторону. На долю секунды в его глазах полыхнуло нечто пугающее, дикое, но уже в следующее мгновение эта вспышка бесследно растаяла. Он затормозил, нервным жестом поправил растрепанные волосы и повернул на запястье массивные старые часы, которые выглядели очень дорого. Сверившись со временем, он заговорил.

— Доброе утро, Хина. Ты сегодня довольно рано, — произнес он своим привычным, обволакивающим и совершенно спокойным тоном. Контраст пугал.

— Доброе утро... Я всегда так прихожу, — соврала я еле слышно, виновато опустив голову.

Мистер Виттчес уже не смотрел на меня. Вся эта сцена, этот мимолетный взгляд — мне просто показалось. Разыгралось глупое подростковое воображение.

Преподаватель быстрым шагом удалился по коридору, а я так и осталась стоять в давящей тишине пустого этажа. Меня накрыло волной липкого сожаления и стыда. Как же глупо было поверить собственным фантазиям. Полная, набитая дура.

Подавив подступившие слезы, я медленно, свинцовыми шагами направилась в сторону женского туалета — смывать этот чертов нелепый макияж. Я обреченно заглянула в зеркало. Из глубины стекла на меня смотрела все та же рыжая свинка — никому не нужная и до крайности глупая, раз умудрилась поверить в собственную особенность. Жестким, почти злобным движением я стянула волосы в привычный тугой хвост и вышла в коридор. Скоро должны были начаться занятия.

Первые два урока тянулись мучительно, невыносимо долго. В этом проклятом здании вообще любое время застывало, словно густая смола. На большой перемене перед историей я поплелась к своему шкафчику. Неподалеку от него стояли Сью и Молли. Они о чем-то бурно перешептывались, совершенно не заботясь о том, что их могут услышать.

— Ты видела его часы? — возбужденно лепетала Молли,

округлив глаза. — Это же настоящий «Ролекс»! Пусть и слегка потрепанный. Он сто процентов какой-нибудь богатенький дядька, которого просто поперли из престижного университета за какую-то оплошность!

— Думаешь? — Сью надменно вскинула подбородок и хищно прищурилась. — Ну что же... В таком случае этот препод просто обязан стать моим.

Мне не нужно было объяснять, о ком речь. Память тут же подкинула утреннюю сцену в коридоре: массивный металлический корпус на запястье учителя и едва заметную гравировку Rolex. Я никогда не разбиралась в дорогих брендах, поэтому утром не придавала этому значения. Но теперь внутри все окончательно выгорело. Последняя надежда с треском рухнула. Ну и как, скажите наводку, обычный мужчина может устоять перед длинноногой, холеной блондинкой вроде Сью? Ответ был очевиден: никак.

Этот день умудрялся становиться все хуже и хуже с каждым часом.

Я тупо уставилась на экран телефона. До звонка оставалось ровно три минуты. Пора идти. Ноги едва двигались — мне физически больно было возвращаться в этот кабинет, особенно после услышанного. Я тенью скользнула в класс и тихо заняла свое место на первой парте. Учителя еще не было, и это радовало. Сью и ее свита даже не повернули головы в мою сторону. Зачем я им теперь, когда у их предводительницы появилась куда более крупная и интересная мишень?

Я мельком взглянула на Кайла. Как он вообще терпит все эти выходки? В какой-то степени мне было даже искренне жаль его — парень и половины не знал о скрытых талантах своей возлюбленной.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет стремительно вошел мистер Виттчес. Нас он демонстративно проигнорировал, сразу направившись к столу. В ту же секунду надрывным эхом прозвенел школьный звонок, заставляя класс погрузиться в тишину. Все снова заняли свои места. Спектакль начинался.

— Добрый день, класс. Как я уже говорил на прошлом занятии, сегодня вас ждет проверочная работа по прошлой теме. Посмотрим, как вы усвоили материал и отложилось ли в ваших головах хоть что-то. Кто желает раздать бланки?

— Я желаю! — томным голосом отозвалась Сью.

Она поднялась со своего места и вальяжной, игривой походкой направилась к преподавательскому столу. Листы с заданиями лежали довольно далеко от мистера Виттчеса, но Сью все равно умудрилась изогнуться так, чтобы якобы случайно коснуться его руки. Учитель на эту провокацию даже не взглянул — просто равнодушно убрал ладонь подальше. Блондинка обиженно фыркнула в своей привычной манере и поспешила раздать тесты.

Наконец белый лист лег и на мою парту. Я заглянула в текст и едва не вскрикнула от ужаса. Вопросы были сформулированы настолько сложно и витиевато, что я не могла уло-

вить смысл ни одного из них. Боже мой... Неужели я получу свою первую плохую оценку по истории? А ведь до сих пор я оставалась круглой отличницей, у меня всегда была твердая «А» по этому предмету. История была моей единственной гордостью, единственным спасением, и теперь этот идеальный мир рушился.

Я в панике огляделась по сторонам. однокурсники строили ответы с такой поразительной легкостью, словно у них перед глазами были совершенно другие, элементарные задания. Даже Молли, никогда не отличавшаяся особыми умственными способностями, с каким-то яростным рвением заполняла строчки.

— Ты уже решила свои задания, Хина? — раздался над ухом голос мистера Виттчеса. Он прозвучал как-то странно: холодно, отстраненно, будто чужой.

— Нет-нет... я просто задумалась, — испуганно забормотала я, сжимаясь под его взглядом.

— В таком случае перестаньте вертеть головой.

Я судорожно уткнулась в проклятый лист, сгорая от липкого стыда. В этот момент хотелось просто расплакаться и провалиться сквозь землю. К концу урока я кое-как вымучила ответы всего на два вопроса. Да и то я не была уверена в них ни на один процент — я просто не понимала, чего от меня хотят. В моем табеле впервые замаячил полный провал и позорная буква «F».

Шаги мистера Виттчеса раздались позади слишком вне-

запно. Он остановился у моей парты, наклонился и заглянул в полупустой бланк. Из его груди вырвался тяжелый, разочарованный вздох.

— А я-то думал, что ты действительно разбираешься в истории, Коулнс. Жаль, что я так крупно ошибся. Тебе придется остаться сегодня после уроков, Хина, — отчеканил преподаватель.

Я не нашла в себе сил поднять на него глаза. Лишь беззвучно, покорно кивнула. Меня и раньше оставляли отрабатывать долги, но только не по истории. Мое настроение окончательно пробило дно.

Пронзительно зазвенел звонок. Сю шустро промчалась по рядам, сгребая бланки, и принесла стопку к учительскому столу. Передавая листы, она снова демонстративно, зазывно коснулась пальцами его ладони.

— Сю, верно? — ледяным тоном спросил учитель, заставив ее замереть.

— Да, мистер Виттчес, это мое имя, — кокетливо отошлась блондинка, одарив его своей самой соблазнительной улыбкой.

— Так вот, Сю, послушайте меня внимательно, — его голос сделался тихим и по-настоящему грозным. — Мне тридцать восемь лет. Вы действительно считаете, что я стану играть в эти ваши дешевые детские заигрывания?

У Сю мгновенно сползла улыбка. Она густо покраснела и растерянно захлопала ресницами.

— Простите, мистер Виттчес... Я не знаю, что на меня на-
шло. Пожалуй, я пойду.

Она круто развернулась и чуть ли не бегом выскочила из
класса. За ней с шумом потянулись и остальные ученики.
Кабинет стремительно пустел, оставляя меня наедине с учи-
телем и моим позором.

В глубине души я сразу почувствовала облегчение: у Сю
ничего не вышло. Впрочем, это все равно ничего не значи-
ло. Он учитель, я ученица, к тому же разница в возрасте ока-
залась куда внушительнее, чем я предполагала. Следующим
уроком стояла литература, нужно было забрать учебник из
шкафчика. С этими мыслями я поспешила покинуть класс.

Мне отчаянно хотелось снова поймать на себе тот его
утренний, жадный взгляд, но этого так и не произошло.
«Стоп, — одернула я сама себя. — Это неправильно. Все это
безумие». Он преподаватель. Что сказала бы мама, если бы
мои глупые фантазии стали реальностью? Она бы просто не
вынесла такого удара. Весь город до хрипоты обсуждал бы
наш скандал. На осуждение в собственный адрес мне было
плевать, чужое мнение меня никогда не волновало. Но ма-
ма... Она слишком пеклась о своей репутации, ведь после ро-
дов в восемнадцать лет ей и так пришлось пройти через ад.

Ноги сами, незаметно для меня, принесли мое тело в ка-
бинет литературы. Весь урок я просидела словно в тумане,
совершенно не слушая учителя. Все мои мысли были заня-
ты лишь одним: как могла бы сложиться моя жизнь, будь я

рядом с мистером Виттчесом.

Когда занятия наконец закончились, пришло время отработки. Колледж стремительно пустела, коридоры оглашались лишь редкими отголосками чужих разговоров и далекими шагами. Я подошла к кабинету истории и нерешительно постучала. В ответ — тишина. Видимо, мистер Виттчес куда-то отлучился. Я осторожно дернула за ручку, и дверь поддалась.

Зайдя внутрь, я с любопытством огляделась. На стенах теперь красовались портреты великих правителей, которых на прошлом занятии здесь точно не было. Вот Петр Великий — первый российский император. Рядом с ним Наполеон — император Франции. Странно, обычно в американских колледжах развешивают портреты местных президентов, а не европейских монархов.

Прямо под ними, на учительском столе, лежали новые рисунки. Я присмотрелась: краска на них еще не успела высохнуть. Получается, мистер Виттчес пишет их сам, от руки? Какой удивительный, разносторонний человек. Он нравился мне все сильнее. Я подошла ближе к столу. Разложенные на нем старинные книги источали приятный, благородный аромат ушедших эпох. Но внезапно в нос ударил резкий, едкий запах табака, и я невольно сморщилась. Я всегда терпеть не могла курящих людей.

Обернувшись на шорох у двери, я увидела мистера Виттчеса. Этот тяжелый запах исходил прямо от него. Странно,

ведь раньше от него никогда не пахло сигаретным дымом. Неужели закурил совсем недавно?

Вы начали курить? — вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела его обдумать.

— Да, буквально сегодня. Прошу прощения за опоздание, — ответил мистер Виттчес. Его голос прозвучал мягко, но как-то тяжело, с легкой хрипотцой.

Он прошелся по кабинету к первой парте, взял стул, поставил его поближе к своему рабочему столу и приглашающим жестом указал мне на него. Я послушно опустилась на сиденье. Учитель еще какое-то время стоял рядом, нервно и задумчиво всматриваясь в окно, после чего тоже занял свое место. Наши взгляды встретились.

Его карие глаза — холодные, но в то же время ставшие какими-то странно родными — смотрели прямо в мои. Мне показалось, что прошла целая вечность гнетущего молчания, прежде чем он наконец заговорил.

— Хина, я специально дал тебе непосильное задание. Мне нужно было найти повод, чтобы поговорить с тобой после уроков наедине.

— Но зачем? — робко спросила я, растерявшись. — Вы ведь могли просто подойти ко мне на перемене и попросить остаться.

— Я посчитал, что так будет правильнее, — ровным тоном продолжал он. — Твой уровень знаний и нестандартный подход к истории меня просто поражают. Если честно, я впер-

вые встретил человека со столь схожими интересами. Мне бы очень хотелось пообщаться с тобой поближе, в неформальной обстановке.

В груди сладко защемило.

— Мистер Виттчес, вы правда так думаете? — щеки обожгло румянцем, но я заставила себя продолжить: — Мне... мне очень приятно это слышать. Вы первый преподаватель, который смог меня по-настоящему удивить. Скажите, а вы сами пишете эти картины?

— Хина, можешь называть меня просто Адамом, когда мы одни, — его тон оставался нежным, но в нем все равно сквозил привычный холод. — Всё, что я тебе говорю — чистая правда. И да, я пишу их сам. До того, как выучиться на историка, я окончил художественную академию. Там я и освоил живопись.

— Мистер Виттчес... то есть, Адам, — я запнулась на его имени, чувствуя себя невероятно дерзкой, — а вы не могли бы и меня...

Договорить мне не дал резкий, оглушительный звонок его мобильного телефона. На лице Адама на секунду проступило нескрываемое раздражение. Он мельком глянул на экран, и из его груди вырвался тяжелый, обреченный вздох. Очевидно, отвечать на этот вызов ему хотелось меньше всего на свете. Сбросив звонок, он стремительно повернулся ко мне.

— Я научу тебя рисовать, если ты согласишься выпить со мной по чашечке кофе в это воскресенье. Идет? — торопли-

во, будто боясь не успеть, предложил он.

— Идет! — радостно, без секундного колебания выпалила я.

— Тогда встретимся в воскресенье у автобусной остановки, недалеко от школы. А сейчас мне пора идти, дела. Свободна, Хина.

Его голос мгновенно вернулся к прежнему, официально-холодному тону.

— Хорошо. До свидания, Адам! — с придыханием и восхищением выдохнула я и почти вылетела из кабинета.

Сердце колотилось где-то в горле. Все-таки он считает меня особенной! Из изгоя я превратилась в его музу. Нужно было скорее бежать домой, иначе мама не на шутку разволнуется из-за моего опоздания.

Весь этот вечер я безвылазно просидела в своей комнате. Я судорожно перерыла домашнюю библиотеку и перечитала все исторические книги, какие только смогла найти. Мне отчаянно хотелось впечатлить его на нашей встрече еще сильнее, показать, что он во мне не ошибся. Больше всего на свете я боялась показаться ему скучной. Втайне я надеялась, что смогу стать для него не просто хорошим собеседником, но и близким другом... а может, со временем, и кем-то гораздо большим.

Постепенно усталость взяла свое, и мысли плавно унесли меня в царство снов. В ту ночь мне снились Сью и Молли. Они стояли на школьном дворе и жадно кусали губы от за-

висти и злости, глядя, как мы с Адамом идем вместе, о чем-то увлеченно беседуя. Во сне мы говорили без остановки: о деталях Гражданской войны, о стратегии Второй мировой, о крахе СССР... Мне было так спокойно и бесконечно тепло рядом с этим мужчиной.

Жаль, что это был всего лишь сон.

Вот и настал тот самый день, когда я должна была встретиться с Адамом. Моему счастью не было предела. Резко вскочив с кровати, я первым делом подбежала к окну и замерла: на улице бушевала гроза. Ужасный, шквалистый ветер почти сшибал верхушки деревьев. Где-то вдали с треском ударила молния, и по свинцовому небу покатались тяжелые раскаты грома, словно отчаянно предупреждая меня об опасности. Жаль, что я тогда не поняла этот знак, посланный самой природой. На тот момент даже разверзшиеся небеса не могли испортить мое ликующее предвкушение.

Была лишь одна осязаемая проблема — мне совершенно нечего надеть. До безумия хотелось соответствовать этому особенному дню, но в моем гардеробе не находилось ни одного подходящего наряда.

Мама, словно почувствовав моё пробуждение, тихо постучалась в дверь. Она никогда не нарушала мое личное пространство без спроса, и за эту деликатность я была ей бесконечно благодарна.

— Мама, входи! — с восторгом, непривычно громко отозвалась я.

Дверь приоткрылась, и мама с заботливой тревогой взгляделась в мое лицо:

— Милая, все хорошо? Ты никогда не вставала так рано в выходной день.

— Все просто чудесно! — улыбнулась я, на ходу сочиняя ложь. — Я... я подружилась с одной девочкой из класса, и мы договорились выпить сегодня по чашечке кофе. Но у меня катастрофа — я понятия не имею, что надеть. Ни одного платья или юбки, сплошные джинсы, джоггеры и шорты.

— Ты можешь взять мое платье, — мягко предложила мама и ненадолго вышла.

Через пару минут она вернулась, держа в руках аккуратный пакет.

— Держи. Это платье подарил мне твой дедушка, когда ты появилась на свет.

Мама протянула мне пакет, и я с нетерпением извлекла его содержимое. Платье оказалось нежного желтого цвета, длиной до колен, с изящными белыми кружевными рукавами. Казалось, само солнце в эту жуткую грозу решило спуститься ко мне, чтобы помочь. И пускай наряд не был современным или новым, на мне он смотрелся на удивление мило и трогательно.

— Спасибо, мама, — прошептала я вслед уходящей матери.

Теперь нужно было что-то решить с волосами. Я вспомнила, что где-то в недрах шкафа пылилась плойка, и понача-

лу решила их идеально выпрямить. Однако к фасону платья этот вариант не подошел. Тогда я собрала непослушные рыжие пряди в высокий аккуратный пучок, надежно закрепила его невидимками, а сбоку приколола заколку в виде белой гортензии — моих любимых цветов.

Следом я достала свою скромную косметичку. В ней хранились тушь, коричневые тени и всего две помады: вызывающе красная и нежно-розовая. Выбор предсказуемо пал на второй вариант. Макияж получился на редкость удачным, и я осталась полностью довольна своим отражением.

Схватив зеленую куртку и черный зонт, я глубоко вдохнула и выбежала навстречу буре.

На остановку я пришла немного раньше назначенного времени. Из-за разбушевавшегося ливня я успела изрядно замерзнуть и слегка промокнуть, несмотря на зонт. Вдруг сквозь пелену дождя к тротуару плавно подкатил массивный черный автомобиль.

Дверь резко отворилась, и под проливной дождь шагнул Адам. На нем были строгие черные брюки и угольно-черная рубашка. К моему удивлению, на этот раз его вещи выглядели безупречно, без единой складочки, словно их только что сняли с гладильной доски. Словно истинный, галантный джентльмен, Адам обошел машину, открыл передо мной пассажирскую дверь и мягким жестом пригласил сесть вперед. От такой неожиданной заботы у меня на миг перехватило дыхание. Раньше так со мной поступал только мой по-

койный дедушка... Как же сильно мне его не хватало. С трудом прогнав подступившую тоску, я поспешила забраться в теплое нутро салона.

Адам остался на улице. Он судорожно, быстрыми затяжками докурил сигарету, затравленно огляделся по сторонам и только после этого сел за руль. Повернулся ключ зажигания, мотор глухо заурчал, и мы тронулись в путь.

Дорога до кафе заняла около получаса. Судя по мелькавшим за стеклом пейзажам, мы покинули черту города и направились к какому-то придорожному заведению. Я никогда раньше здесь не бывала. Впрочем, если быть честной, я вообще почти нигде не бывала. Раньше мы с мамой часто навещали дедушку, жившего всего через два переулка от нашего дома, а теперь весь мой маршрут ограничивался исключительно школой.

Всю дорогу мы провели в глухом, натянутом молчании. Машина Адама была явно дорогой, но довольно старой — я ни разу не видела ее на школьной парковке. Окна были наглухо затонированы, отчего и без того мрачная из-за грозы улица казалась совсем зловещей. Кожаная обивка салона знатно потерлась от времени, но внутри приятно пахло чем-то приторно-сладким, напоминающим спелые лесные ягоды. Этот аромат мне понравился: он удачно перебивал едкий запах табачного дыма, шлейфом тянувшийся за Адамом.

Адам припарковался и вышел первым. Снова бегло осмотрев пустынную парковку, он поспешил открыть мне

дверь. Мы быстро, пригибаясь от тяжелых капель, взбежали по ступенькам и юркнули в придорожное кафе.

Внутри царило абсолютное запустение. Единственная работница за стойкой лениво залипала в экран подвешенного к стене телевизора, даже не повернув головы в нашу сторону. Мы заняли самый уединенный столик в дальнем углу. В помещении тяжело пахло подгоревшими мясными котлетами и прогорклым маслом, которое, судя по всему, не меняли неделями.

— Здравствуй, Хина, — улыбнулся Адам, прерывая тишину.

Только в этот момент до меня дошло, что из-за всей этой суматохи мы даже нормально не поздоровались.

— Здравствуй, Адам, — неловко ответила я, выдавив встречную робкую улыбку. — Сегодня просто ужасная погода, да?

— Ты действительно хочешь поговорить со мной о погоде? — с еле заметной, понимающей усмешкой парировал он.

Я промолчала и поспешно опустила голову, чувствуя, как к щекам приливает предательский жар. К нашему столику наконец неторопливо подошла работница кафе. Я подняла на нее взгляд и мельком скользнула по пластиковому бейджику на фартуке. Там корявым почерком было выведено имя: Миртл. Забавно. Точно так же звали девочку-призрака из «Гарри Поттера». Плакса Миртл.

— Что будете заказывать? — поинтересовалась женщина

неприятным, пронзительно-писклявым голосом.

— Две чашки кофе и две порции вафель с кленовым сиропом, — процедил Адам, не сводя с меня пристального взгляда.

— Скоро принесу, — буркнула официантка и поплелась обратно к стойке.

На самом деле я терпеть не могла кофе. Никогда не понимала его вкуса — ни с горами сахара, ни с жирными сливками, ни даже с шариком подтаявшего мороженого. Но ради этой встречи я была готова безропотно терпеть любую горечь.

— Хина, прости за мою резкость, — негромко произнес Адам, и в его голосе проскользнули нотки искренней грусти. — Сегодня выдался крайне неудачный день.

— Все хорошо, я не в обиде, — тихо ответила я, стараясь подбодрить его.

Адам положил руки на стол, крепко переплетя пальцы в замок. Весь его позы, напряженные плечи и застывшее лицо выдавали колоссальное внутреннее давление. Впрочем, я прекрасно его понимала. Ситуация была двусмысленной: он — взрослый мужчина, преподаватель, я — его несовершеннолетняя ученица.

Словно без труда прочитав мои мысли, Адам внезапно разомкнул пальцы и протянул ладонь ко мне.

— Ты можешь пообещать, что наша дружба останется строго между нами? — его голос сделался пугающе серьез-

ным. — Сама понимаешь, если об этих встречах узнает администрация школы, меня с треском уволят. А над тобой сверстники начнут издеваться с еще большей жестокостью.

— Разумеется... Я сохраню все в тайне, — ответила я и, затаив дыхание, доверчиво вложила свою руку в его большую, теплую ладонь.

— Спасибо, Хина.

Удостоверившись в моей абсолютной преданности, Адам тут же поспешил убрать руку, вернув ее на свою половину стола.

— Расскажешь что-нибудь о себе?

— Ну... я даже не знаю, с чего начать, — неуверенно промычала я, смущенно перебирая пальцами край скатерти.

— Я хочу знать о тебе абсолютно всё, маленькая Хина, — мягко произнес он, и в этой мягкости сквозил странный, холодный интерес.

И я, окончательно доверившись Адаму, выложила ему всю свою жизнь. Рассказала про болезненный уход отца из семьи, про затяжную и изнурительную войну с бандой Сю, про свою беззащитную, любящую маму, которая так отчаянно цеплялась за остатки репутации... Вспомнила про горькую смерть дедушки и, конечно, про свою единственную отдушину — увлечение историей.

Адам слушал меня не перебивая. На его лице отражалась целая буря эмоций: в каких-то моментах он сочувственно хмурился, в каких-то — ободряюще улыбался. Всей своей

мимикой он виртуозно показывал, что я интересна ему. Не просто как ученица, а как кто-то гораздо ближе.

И все же... одно не давало мне покоя. Его взгляд. Лицо Адама могло выражать понимание и теплоту, но глаза оставались абсолютно, пугающе пустыми.

— Ваш заказ. Две чашки кофе и две порции вафель с кленовым сиропом, — противным писклявым голосом отчиталась Миртл, выставляя тарелки на стол.

— Благодарю, — сухо отрезал Адам.

Передо мной приземлилось блюдо с тремя вафлями весьма сомнительного вида. Они выглядели настолько неаппетитно, что даже густой слой кленового сиропа не мог скрыть их плачевного состояния. Рядом исходила паром чашка черного кофе. Напиток источал резкий, неприятный аромат, но я все равно заставила себя сделать глоток. Язык обожгло отвратительным, концентрированным горьким вкусом. Этот кофе оказался во сто крат хуже того, что когда-то пил мой дедушка. Помнится, он специально заказывал свои зерна откуда-то издалека и платил немалые деньги за эту жуткую бурду. Впрочем, у всех свои причуды.

Кое-как, преодолевая тошноту, я все же допила чашку и доела вафли. А вот Адам, казалось, искренне наслаждался трапезой. На его лице впервые за сегодняшний день воцарилось абсолютное, безмятежное спокойствие. Его губы, складываясь в мягком, почти интимном жесте, плавно прикасались к краям чашки, медленно поглощая напиток. Он мол-

чал, даже не глядя в мою сторону.

А я наблюдала за ним с какой-то дикой, болезненной жадностью, отчаянно пытаюсь запечатлеть в памяти каждое его мимолетное движение. Каждый его вдох заставлял меня делать выдох, а его выдох — задерживать дыхание. Мне хотелось навсегда законсервировать в воспоминаниях эти запахи: едкий шлейф сигаретного дыма, аромат терпкого кофе и сладость лесных ягод.

Мой затянувшийся транс бесцеремонно оборвал громкий рингтон. Адам достал смартфон из кармана брюк, бросил взгляд на экран и мгновенно помрачнел, словно лицо свела судорога. Быстро извинившись и пообещав скоро вернуться, он стремительно направился к выходу.

Сквозь залитое потоками ливня стекло было отчетливо видно, как он почти бегом дошел до своей машины. Адам ходил кругами около капота и что-то исступленно кричал человеку по ту сторону экрана. В порыве ярости он со всей силы взъерошил свои черные волосы, которые в этот миг казались единым целым с мрачной стеной темного леса за его спиной. Весь его силуэт, каждое резкое движение буквально кричали от первобытного гнева.

Пока Адам бесновался под дождем, к нашему столику бесшумно подошла Миртл и положила на край чек.

Семь долларов и семьдесят семь центов. Снова эта проклятая семерка. Трижды повторенная. Я горько улыбнулась своему открытию, но улыбка тут же сползла с моего лица,

сменившись паникой. В кармане моей зеленой куртки лежало всего три доллара. Внутри все похолодело. Что же мне делать, если он просто уедет и бросит меня здесь?

Не волнуйся, я угощаю, — раздался над ухом голос Адама.

На край стола опустилась хрустящая десятидолларовая купюра. Я даже не заметила, как он вернулся в зал. Адам выглядел абсолютно спокойным, собранным, и ни одна деталь в его облике больше не выдавала недавнего яростного разговора под проливным дождем.

— Я... я всё тебе верну, — поспешно заверила я, смутившись от собственной невнимательности. — Прости, даже не услышала, как ты вошел.

— Не нужно ничего возвращать, — мягко возразил он. — Просто проводи со мной время. Уже поздно, я отвезу тебя домой.

Спорить я не стала. Его жест был безумно приятен, а забота кружила голову. Адам галантно помог мне накинуть куртку и проводил к машине. Сдачу со счета он, судя по всему, благодушно оставил писклявой Миртл на чай.

Гроза к тому времени уже утихла, но тяжелые, свинцовые тучи так и не покинули небосвод. Мы доехали до той самой автобусной остановки, откуда он забрал меня пару часов назад. Машина замерла. В салоне воцарилась абсолютная, звенящая тишина. И вдруг Адам резко наклонился ко мне и поцеловал.

Боже... Адам Виттчес поцеловал меня! Это был мой самый первый, робкий поцелуй в жизни. Он продлился совсем недолго — телефон в кармане учителя снова предательски завибрировал, нарушая магию момента.

— До скорой встречи, маленькая Хина, — прошептал он, и на его губах промелькнула какая-то странная, загадочная улыбка.

— До скорой встречи, мистер Виттчес... — выдохнула я. Щеки пылали огнем.

Я поспешно выскочила из машины под прохладный воздух. Это был безоговорочно лучший день в моей жизни! Ни отвратительный вкус пережженного кофе, ни блеклые резиновые вафли не могли испортить моего триумфа. Окрыленная, я почти летела в сторону дома.

Когда я переступила порог, мама уже крепко спала. Она допоздна пропадала на тяжелых подработках и валилась с ног от усталости, из последних сил стараясь обеспечить мне достойную жизнь. Я была бесконечно благодарна ей за это. На цыпочках я пробралась в свою комнату, аккуратно сняла желтое платье и повесила его на плечики в шкаф. Затем смыла остатки макияжа, распустила волосы и отправилась в ванную.

Стоя под струями горячей воды, я самозабвенно мечтала о нашем с Адамом общем будущем. Мне искренне казалось, что черная полоса позади и жизнь наконец-то налаживается. Так отчаянно хотелось поверить в пресловутую удачу... Но

в следующую секунду в груди болезненно ёкнуло. Я вдруг осознала: за весь вечер он так и не рассказал о себе абсолютно ничего.

Глава 3

Красиво этим летом по ночам.
Красивы парки, реки и озера.
А я, безмолвно в небеса глядя
Стою и мыслю под небесным взором.
Адам исчез.

Он не появлялся в школе вот уже целых семь недель. Наш директор, мистер Спайк, сухо объявил на общей линейке, что мистер Виттчес срочно уехал на важные исторические раскопки в Грецию.

Я сходила по нему с ума. Тоска выедала меня изнутри. Каждый день я до мельчайших деталей воскрешала в памяти наш первый поцелуй. Старое желтое платье, сиротливо висевшее в шкафу, оставалось моим единственным материальным напоминанием о том волшебном вечере. Поскорее бы он вернулся... Поскорее бы обнял меня и наконец открыл свою душу.

За это время в нашей семье произошли крупные перемены — маме удалось продать старый дедушкин дом. Меня эта новость, если честно, совсем не обрадовала. В тех стенах хранилось слишком много моих детских, теплых воспоминаний. Но сделка принесла маме солидную сумму, и теперь она каждую неделю с гордостью выделяла мне по двадцать долларов на карманные расходы. Деньги были небольшие, но

я бережно откладывала их. Мне хотелось обновить гардероб и купить новое красивое платье — не ходить же на свидания с Адамом в одном и том же, когда он вернется. Всего в моей записке скопилось уже сто сорок долларов.

Сегодня за окном стояла привычная пасмурная погода, но хотя бы без дождя. Поднявшись с постели, я подошла к шкафу и с досадой нахмурилась: все мои вещи были безликими и однотипными, выдержанными в унылых серых тонах. Кое-как выудив серые джоггеры и свободный коричневый свитер, я с силой захлопнула дверцу. Раздался резкий, жалобный треск — левая створка шкафа с корнем вырвалась из петель и покосилась. Замечательно. Невезение решило заявить о себе с самого утра.

Я быстро оделась, затянула волосы в дежурный тугой хвост и спустилась на кухню. Оттуда восхитительно пахло едой. На столе меня ждал королевский завтрак: яичница из двух яиц, два поджаристых ломтика бекона, стакан свежесжатого апельсинового сока и глубокая тарелка с кукурузными хлопьями, в которую оставалось только линуть молока. Рядом белел клочок бумаги: «Я ушла на смену. Целую, мама».

На губах невольно заиграла теплая улыбка. Я принялась за еду, снова с головой погружаясь в свои навязчивые мысли. Когда мой Адам вернется? Скучает ли он по мне так же сильно? Самое ужасное, что в тот вечер из-за спешки я даже не успела записать номер его телефона... А вдруг он уже

нашел себе в этой далекой Греции кого-то другого? Да нет, чушь. Он просто не мог поступить со мной так жестоко.

Закончив с завтраком, я сгрузила пустую посуду в раковину. «Помою, когда вернусь», — мысленно пообещала я себе. На самом деле я постоянно забывала о таких бытовых мелочах. Вся моя память до последнего мегабайта была забита историей. А теперь всю эту историю без остатка вытеснил мой учитель — Адам Виттчес.

В торговом центре царило привычное оживленное безумие. Повсюду с визгом носились маленькие дети, за ними в мыле бегали уставшие мамочки, а между магазинами вальяжно проплывали стайки подростков. Я бесцельно бродила от одной секции к другой в надежде отыскать «то самое» платье. На самом деле я понятия не имела, как оно должно выглядеть. Просто верила: стоит мне его увидеть, и я сразу всё пойму.

Мой взгляд зацепился за вывеску небольшого секонд-хэнда. «Почему бы и нет? — подумала я. — Испытаю удачу, вдруг повезет».

Стоило переступить порог, как я тут же замерла. Оно висело прямо передо мной. То самое платье. Насыщенно-зеленое, длиной чуть выше колен, с принтом в виде россыпи нежных белых гортензий. Какое невероятное, сказочное совпадение! Бережно, словно величайшую ценность, я сняла его с вешалки и направилась к кассе. За стойкой сидела пухлая пожилая женщина с удивительно миловидным, добрым ли-

цом.

— Чудесное платье, — улыбнулась она, и её приятный голос окутал меня теплом. — В самый раз для романтических прогулок с любимым.

— Да... в самый раз, — эхом повторила я, мгновенно заливаясь краской.

— И у тебя чудесные рыжие волосы, милая. Такая редкость в наших краях.

— Они... достались мне от мамы, — я покраснела еще сильнее, готовая провалиться сквозь землю от смущения.

— Какая же ты славная девочка! Знаешь что? Возьми это платье просто так. Считай это подарком от доброй старушки, — ласково промолвила кассирша.

— Огромное, просто огромное вам спасибо! Я буду безречь его, обещаю! — радостно воскликнула я.

Попрощавшись со своей спасительницей, я окрыленная поспешила домой.

Входная дверь оказалась не заперта, а из кухни лился мягкий свет. Зайдя в прихожую, я громко крикнула маме, что вернулась. Горло пересохло, и я направилась на кухню, чтобы налить себе воды. Но стоило мне переступить порог, как пальцы разжались, и пакет с моим новым зеленым платьем с глухим шуршанием выпал из рук.

На кухне всюду суежилась мама. Она буквально светила от счастья, порхая вокруг стола и бережно расставляя приборы. Три тарелки. Три ложки.

А за столом сидел Адам.

Он смотрел прямо на меня своими карими, пронизывающими до костей холодными глазами. И улыбался. Рядом с ним на скатерти покоился пышный букет моих самых нелюбимых цветов — роз. Семь штук. Алых, словно свежая кровь. Мама с благоговением подхватила их и поспешила поставить в вазу. Было очевидно, что этот жест предназначался именно ей. Ну конечно... Адам ведь пришел в наш дом как официальный гость, и мама ни в коем случае не должна была догадываться о том, что произошло между нами в той машине.

Учитель был одет точь-в-точь как в нашу самую первую встречу. Та же белая рубашка, те же серые классические брюки. Мне даже показалось, что на ткани застыли ровно те же самые вмятины. Вот только рукава рубашки на этот раз были небрежно закатаны до локтей. И на его запястье не было часов. Странно... Неужели он просто забыл их надеть?

— Добрый день, Хина, — ровным тоном произнес Адам.

— Добрый день, мистер Виттчес, — на автомате выпалила я, отчаянно пытаюсь вернуть себе самообладание.

После обмена формальными приветствиями мама засуетилась и пригласила всех за стол. На обед был приготовлен домашний куриный суп. Но прежде чем взять в руки ложку, Адам решил прояснить цель своего визита.

— Хлоя, твоя дочь просто блестяще знает историю, — с легкой, тщательно отрепетированной ноткой усталости в го-

лосе произнес он. — Я искренне горд тем, что являюсь преподавателем такой одаренной ученицы.

Мою маму звали Хлоей. Но внутри меня все сжалось от странного предчувствия: почему он разговаривал с ней так непринужденно? Словно они знали друг друга целую вечность.

— Адам, ну еще бы! — радостно откликнулась мама, так и лучась гостеприимством. — Дедушка в детстве перечитал ей столько исторических книг, что было бы странно, не прояви она к этому интерес. Хина, ну надо же! Ты почему-то совсем не говорила мне, что твой новый учитель — Адам Виттчес. Мы ведь с ним старые друзья. Дружили с самого детства и вплоть до того дня, пока я не встретила твоего отца.

— Да, историй с тех времен у нас накопился целый вагон, — с улыбкой поддержал ее Адам. — Но об этом как-нибудь в следующий раз. Кстати, Хина, я ведь привез тебе сувенир из Греции.

Он наклонился и достал из-под стола небольшую коробку, безупречно обернутую в дорогую упаковочную бумагу. Когда я протянула руку, чтобы забрать подарок, наши пальцы на долю секунды соприкоснулись. Одно это случайное касание заставило меня густо покраснеть. Адам же не изменился в лице ни на миг. Боже, как виртуозно ему удавалось играть роль безразличного учителя.

Я поспешила сорвать обертку. Внутри коробки, на бархатной подложке, покоился массивный золотой браслет. Очень

старый, покрытый благородной патиной, явно греческой работы. Пораженная таким дорогим подарком, я уставилась на Адама широкими от изумления глазами. Но он даже не смотрел в мою сторону — учитель уже с аппетитом уплетал мамин суп. И, что самое обидное, он даже не подумал извиниться передо мной за свое семинедельное исчезновение.

После обеда Адам засобиравшись уходил. Он попрощался со мной подчеркнуто холодно, даже не удостоив мимолетным взглядом. Зато с мамы за все это время он не сводил своих карих, гипнотизирующих глаз.

Стоило двери за ним закрыться, как меня придавило липкой, серой тоской. Кое-как добравшись до своей комнаты, я без сил повалилась на кровать. В голову лезли кошмарные, отравляющие мысли. Что, если я привлекла его только потому, что моя мама — его настоящая, невысказанная любовь? Я отчаянно гнала от себя эти подозрения. Нет, я не могу быть для него пустым местом. Он ведь подарил мне этот браслет. Я дорога ему. Спрятавшись за этими хрупкими иллюзиями, я незаметно провалилась в тяжелый сон.

Вечером меня бесцеремонно выдернул из забытья настойчивый стук в дверь. Это было странно — мама никогда не будила меня без крайней необходимости. На улице вовсю бушевал ветер. Он выл и стонал за стеклом так яростно, словно раненый, загнанный зверь. Или... словно кто-то навсегда потерял самого близкого, дорогого человека. Второе сравнение испугало меня до дрожи в коленях.

В дверь постучали снова, чуть громче.

— Входи, мам, — отозвалась я, плотнее кутаясь в теплое одеяло, словно оно могло защитить меня от этого жуткого, нагнетающего ужас воя за окном.

Мама осторожно переступила порог. Ее голос, обычно звонкий, сейчас прозвучал еле слышно, с отчетливой, пугающей дрожью от подступающего волнения:

— Хина... ты так быстро уснула после обеда. А я... я так и не успела с тобой поговорить.

Мама выглядела непривычно. По её поникшим плечам и зажатой позе было отчетливо видно: предстоящий разговор дается ей с огромным трудом. Она еще немного потопталась у двери, нервно переводя взгляд то на темное штормовое окно, то на меня. Затем медленно прошла к моему белому рабочему столу.

На нем, как обычно, царил привычный творческий хаос: громоздились тяжелые стопки книг — от хроник Древнего Китая до монументальной истории династии Романовых. Рядом с ними сиротливо лежал пакет с моим новым, но уже безумно любимым зеленым платьем, которое я так и не успела повесить в шкаф. Мама аккуратно отодвинула старый компьютерный стул и опустилась на него. Из её груди вырвался глубокий, судорожный вдох, словно она пыталась набрать в легкие как можно больше воздуха перед прыжком в ледяную воду.

Интересно, заметила ли она, как изменился запах в моей

комнате? Раньше здесь пахло исключительно старыми библиотечными страницами и сыроватой древесиной. Теперь же к этим ароматам гармонично примешивался густой, сладкий шлейф ванили. Так благоухали мои новые духи, которые мама совсем недавно отыскала для меня на какой-то распродаже.

— Хина, я хотела рассказать тебе о нашем прошлом с Адамом, — тихо начала она, не поднимая глаз. — Я решила, что ты должна узнать всю правду именно от меня, а не от кого-то еще. Мы познакомились, когда мне было всего шесть лет, а ему одиннадцать. Я постоянно прибегала к его родителям во двор, потому что там стояли отличные качели. Так мы и сдружились. Старшие Виттчесы всегда радовались моим визитам. Знаешь, эта дружба — пожалуй, самое теплое и светлое воспоминание из моего детства. Адам всегда горой стоял за меня, а я защищала его. Мы постоянно втихаря пакостили, но взрослые никогда не могли найти виноватого, потому что каждый из нас упрямо брал всю вину на себя.

Мама на секунду замолчала, словно прокручивая в голове те далекие дни, и её голос дрогнул:

— Всё это продолжалось до тех пор, пока я не встретила твоего отца. Как ты прекрасно знаешь, Фрэнк дико ревновал меня буквально к каждому столбу. Ни о каком продолжении общения с Адамом не могло быть и речи. Хотя Адам... он честно пытался поговорить с твоим отцом, вразумить его. Ничего не вышло. Вскоре после этого он уехал

учиться во Францию, и наши ниточки окончательно оборвались. Мы больше никогда не виделись. И вот, спустя столько лет, он вернулся в наш город и теперь преподает тебе историю. Я... я так этому рада, Хина.

С моих плеч словно разом свалилась огромная, давящая глыба. Сердце забилося легко и свободно. Господи, значит, они просто дружили в детстве! Какая же я круглая, набитая дура, раз умудрилась напридумывать себе, будто они с мамой влюблены друг в друга. Это ведь невозможно — мама всю свою жизнь преданно любила только моего отца.

Мое настроение мгновенно взлетело до небес. Жуткий, завывающий за окном ветер больше не казался мне предвестником беды — теперь это был просто шум уходящей бури.

Мама, так и не дождавшись от меня никакой внятной реакции, молча поднялась со стула и тихо вышла из комнаты. Было видно, что после своего откровения она наконец-то сбросила тяжелый груз и успокоилась. Я соскочила с кровати, бережно достала из пакета зеленое платье с гортензиями и аккуратно расправила его на вешалке. В полумраке комнаты оно словно излучало мягкий, обнадеживающий свет, безмолвно обещая мне скорые, волнующие встречи с моим Адамом.

Глава 4

Ветра бушуют, дождь идет.
Пойду и я пожалуй к дому.
И вера есть, что все пройдет,
И что не дамся злему грому.

Утром в школу я шла в абсолютно благодушном, окрыленном настроении. Из-за того, что уроков истории в расписании не было почти два месяца, теперь администрация решила наверстать упущенное и поставила этот предмет в график на каждый божий день. Сегодня история шла самым последним, заключительным уроком. Из-за этого все предыдущие занятия превратились для меня в сплошную, мучительную пытку ожидания. Я буквально не могла усидеть на месте, то и дело ерзая на стуле.

К этому дню я готовилась тщательно. На мне были натянуты черные облегающие джинсы-скинни, которые делали очертания моих худых бедер и ягодиц хотя бы немного заметнее. А вместо привычного безразмерного свитера я без спроса выудила из маминого шкафа трикотажную футболку персикового цвета, которая плотно, как вторая кожа, облегла мою фигуру. Волосы я уложила в безупречный, аккуратный высокий пучок.

Бросив быстрый взгляд в зеркало перед выходом из женского туалета, я вынуждена была признать: сегодня я выгля-

дела куда привлекательнее, ярче и взрослее, чем обычно.

Наконец, черед нудных уроков подошла к концу. Впереди оставался лишь один-единственный час. Час истории.

Как обычно, Адам вошел в кабинет ровно со звонком. На этот раз на нем была пунцово-красная мятая рубашка и такие же небрежные синие брюки. На правом колене отчетливо проступало какое-то грязное пятно, а сам Адам заметно прихрамывал на правую ногу. Лицо его прорезали новые глубокие морщины, а под глазами залегли глухие черные тени. Было очевидно, что он не смыкал глаз всю ночь. Интересно, он так отчаянно готовился к урокам или тоже не мог уснуть перед нашей долгожданной встречей? В любом случае, сердце в груди забилося как сумасшедшее — я была безумно рада его видеть. Я слегка приподняла левую руку, втайне надеясь, что он заметит на моем запястье его подарок — старинный золотой браслет.

Учитель тяжело, с явным трудом опустился на стул. Уткнувшись пустым, безжизненным взглядом в окно, он глухо поздоровался с классом. Пока его не было, замещающие учителя просто заваливали нас домашней работой. К сегодняшнему дню мы обязаны были подготовить развернутый доклад об отмене рабства в Америке.

— К доске приглашается Сью Пайнс, — ледяным тоном произнес Адам.

Шикарная блондинка вальняжной, покачивающейся походкой вышла в начало класса. Она встала по центру,

небрежно держа в руках один-единственный листок. Сю никогда особо не утруждала себя учебой, так что и этот раз не стал исключением.

— Отмена рабства в США стала результатом кровопролитной Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865), — постоянно запинаясь и путая слова, монотонно зачитала Сю. — Главной причиной конфликта стали глубокие экономические противоречия: промышленный Север выступал за свободный труд, тогда как Юг полностью зависел от рабского труда на плантациях...

Она замолчала, судорожно выискивая глазами продолжение, но листок закончился.

— Очень хороший доклад, ты молодец. Отличная работа, «А с плюсом», Сю, — без тени иронии произнес учитель.

Блондинка, победоносно вскинув подбородок, высокомерно поблагодарила его и вернулась на место. Я сидела, не в силах закрыть рот от изумления. Как это возможно?! Высший балл за пару корявых, списанных предложений? Меня до глубины души поразило и ранило такое суждение Адама.

— Следующий доклад. Хина Коулнс, — чересчур формально, с какой-то подчеркнутой, глухой отстраненностью командовал он.

Я неуверенно поднялась со стула и прошла на то место, где только что стояла Сю. В моих руках не было никаких шпаргалок — я знала каждую строчку своего исследования наизусть. На мой подробный, глубокий рассказ ушло чуть

больше семи минут. В классе воцарилась абсолютная тишина, даже закоренелые двоечники с неподдельным интересом слушали меня. Но посреди фразы меня резко оборвал резкий голос Адама.

— Достаточно, — грубо отрезал он. — Задание требовало подготовить доклад в письменном виде, а не пересказывать мне то, что вы наспех прочитали в интернете. Очень плохо, Хина Коулнс. Садись, это провал.

Вспыхнув до корней волос и до конца не веря в происходящее, я на ватных ногах поплелась обратно за парту. На задних рядах тут же послышалось издевательское хихиканье, кто-то обидно зашептался мне в спину.

Как он мог? Как он мог так жестоко, растоптав всё, опозорить меня перед всеми? Спустя столько недель мучительного ожидания, после того тайного, волшебного поцелуя в машине... Я просто перестала быть ему интересной. Вот и всё. Моя сказка разбилась вдребезги. Жизнь стремительно возвращалась на круги своя, наливаясь привычной свинцовой серостью, будто на мир вокруг наложили грязный, мрачный фильтр. Голоса одноклассников стали глухими, далекими, словно меня с головой погрузили под толщу ледяной воды.

Дальнейший урок прошел как в тумане. Весь класс один за другим рассказал свои доклады, и абсолютно все получили высшие баллы. Все, кроме меня.

Когда пронзительно зазвенел финальный звонок, я наро-

чито медленно, по одной тетрадке начала складывать вещи в рюкзак. Я отчаянно тянула время, чтобы дожидаться, пока кабинет опустеет, и остаться с Адамом наедине. Мне нужны были ответы. Но когда последняя дверь захлопнулась и я с бьющимся сердцем повернула голову в сторону преподавательского стола, там никого не было. Учитель сбежал, оставив меня наедине с моим позором.

Спустя двадцать минут я вышла на улицу в абсолютно затуманенном сознании. Ноги понесли меня вовсе не к дому — я поплелась на ту самую автобусную остановку, откуда Адам забрал меня в день нашего первого свидания. Бессильно опустившись на скамейку, я тихо, навзрыд заплакала. Меня душили острая боль и полное непонимание: за что? За что он так жестоко растоптал меня?

Из плена страданий меня бесцеремонно выдернул резкий, пронзительный писк тормозных колодок. Я вскинула голову. Прямо перед остановкой замер черный автомобиль Адама. Из наполовину опущенного стекла донесся грозный, не терпящий возражений голос учителя:

— В машину. Быстро.

Я резко вскочила, подбежала к передней двери и, дернув ручку, буквально ввалилась в салон. Не успела я захлопнуть дверцу, как автомобиль с бешеным, надрывным свистом стирающих о мокрый асфальт шин сорвался с места. В воздухе мгновенно запахло жженой резиной. Мы неслись на огромной скорости, стрелка спидометра стремительно полз-

ла вверх, и от этого бешеного аллюра мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Адам, заметив мой парализующий страх, опустил ладонь на мою ногу. Его рука оказалась ледяной, почти мертвой, несмотря на то что в салоне было душно и жарко. Я понятия не имела, куда мы летим, но от этого его тяжелого жеста внутри мне парадоксальным образом стало спокойнее.

— Хина, зачем ты так вырядилась? — внезапно нарушил молчание он, и его голос сочился ядом. — Еще и нацепила этот чертов браслет... Ты вообще думаешь своей головой? Ты действительно считаешь, что он достался мне легальным способом?

— Я... я вообще не думала о том, как он тебе достался, — почти захлебываясь слезами, пролепетала я в ответ. — Я просто... просто хотела тебе понравиться.

— Глупая, маленькая Хина! — Адам перешел на крик, и в его голосе проступила пугающая, первобытная жестокость. — Ты хочешь, чтобы кто-то из твоих недоумков-одноклассников пронюхал о нас?! Или, может, нам лучше сразу пойти и во всем сознаться твоей матери?! По-твоему, она мало страдалась в этой жизни?!

Я ничего не ответила. Сжавшись в комок на кожаном сиденье, я просто обняла себя руками, пока по щекам непрерывным потоком катились горькие слезы. Я никак не ожидала, что этот всегда подчеркнуто спокойный, статный на людях мужчина будет так неистово орать на меня — точно так

же, как тогда, под дождем, на невидимого абонента в трубке телефона.

После получасовой безумной гонки без соперников по извилистой лесной дороге машина наконец затормозила. Адам молча вышел наружу, чиркнул зажигалкой и, закурив, устало опустил капот. Я осталась сидеть внутри.

Знакомый приторно-сладкий ягодный аромат в салоне немного привел меня в чувство. Я опустила солнцезащитный козырек и робко заглянула в маленькое зеркальце. Из отражения на меня смотрело нечто ужасающее: зареванные, покрасневшие глаза, распухший нос-закорючка и мелко дрожащие губы. Вид был просто кошмарный.

Вернув козырек на место, я глубоко вздохнула и тоже вышла из машины. Вокруг шумел густой лес, пахло свежим мхом и влажной, сырой древесиной. Но внезапно до меня снова долетел резкий шлейф сигаретного дыма. Я невольно поморщилась и отошла на несколько шагов подальше от курящего Адама. В голове промелькнула робкая, глупая мысль: «Может... попросить его бросить?»

— Извини, что накричал, — нарушил звенящую тишину его голос. — Выходные выдались слишком нелегкими.

Адам небрежно бросил сигаретный окурок на сырую землю и с силой растоптал его носком туфли. Спрятав руки в карманы брюк, он медленно подошел ко мне. Я подняла голову, заглядывая ему в лицо. Его карие глаза оставались прежними — пугающе холодными, бездонными. Я невольно

съежилась и зябко повела плечами, внезапно остро ощутив пронизывающий лесной воздух.

Адам аккуратно сделал еще один шаг навстречу, вынул руки из карманов и крепко обнял меня. От него веяло могильным холодом, он сам был холодным, словно кусок льда. Но мне до безумия понравились эти объятия — в тот миг они показались мне самыми искренними на свете.

Спустя мгновение Адам отстранился. Его пальцы властно, но аккуратно обхватили мой подбородок, заставляя поднять голову. И он поцеловал меня. Это был грубый, страстный, обжигающий поцелуй, от которого все внутри перевернулось. Сладкая судорога взбудоражила тело от макушки до самых кончиков пальцев. Адам прижал меня к себе с такой неистовой силой, что у меня внутри едва ощутимо хрустнули кости. Я судорожно обвила руками его шею, полностью растворяясь в моменте. Его ледяные прикосновения парадоксальным образом согревали меня, дарили абсолютное блаженство. Его ладони властно гуляли по моему телу, заставляя меня послушно прогибаться и трепетать от каждого мимолетного движения. Ничего подобного я никогда в жизни не испытывала, и эти новые, взрослые ощущения пугали и восхищались меня одновременно.

Внезапно Адам резко отстранился. Ни слова не говоря, он стремительно обошел капот машины и скрылся на водительском сиденье. А я так и осталась стоять посреди леса — растерянная, тяжело дышащая и багровая от смущения, точно

те самые алые розы, что он принес вчера моей матери. Меня крупно трясло от пережитых эмоций. Кое-как придя в себя и уняв дрожь в коленях, я открыла дверцу и скользнула в душный салон.

— Хина, ты не должна давать школе ни единого повода для сплетен, понимаешь меня? — ровным, совершенно спокойным тоном спросил Адам, выруливая на дорогу. — Одевайся так же, как и раньше. Носи свои прежние вещи. Твой сегодняшний вид, конечно, будоражит мое воображение и вызывает дикое желание, но ты не должна так ходить в школу. И забудь про браслет. Носи его только дома, при маме. Если нас раскроют — всё полетит к чертям.

— Хорошо, я всё поняла, — послушно выдохнула я, чувствуя, как внутри расцветает ликование. — Мне... мне просто очень приятно знать, что я тебе нравлюсь.

— Вот и отлично. Сейчас я отвезу тебя домой, а то Хлоя начнет переживать из-за твоего отсутствия.

Обратный путь мы проделали гораздо медленнее. Убаюканная мерным ходом автомобиля, я сама не заметила, как провалилась в глубокий сон. Мне снился Наполеон, ведущий свои верные войска на завоевание соседних империй. Но вместо лица великого полководца я отчетливо видела лицо моего Адама. А рядом с ним, сквозь пороховой дым и пламя, всегда шла его преданная, покорная я.

Меня разбудил легкий, невесомый поцелуй в губы. Расправив ресницы, я растерянно осмотрелась по сторонам. Мы

стояли вовсе не на автобусной остановке, а прямо у ворот моего дома.

— Ты так сладко спала, точь-в-точь как маленький ребёнок, — тихо произнес учитель, пристально глядя на меня. — Если хочешь, я могу зайти вместе с тобой. Скажем Хлое, что мы дополнительно занимались историей еще с парой ребят, а потом я просто развез всех по домам.

— Не нужно, — сонной хрипотцой ответила я, открывая пассажирскую дверь. — Я сама придумаю, что ей сказать. Спасибо, что довез.

— Хина, — окликнул он меня напоследок, когда я уже ступила на землю. Из темноты салона его глаза блеснули странным блеском. — На выходных я начну учить тебя рисовать.

Он сухо улыбнулся, рванул с места и скрылся в темноте улицы, оставив меня стоять у порога.

Я смотрела вслед уезжающему автомобилю и глупо, счастливо улыбалась. Казалось, во всем мире не найти человека счастливее меня. Еще немного постояв под прохладным ночным небом, я наконец зашла в дом. Мама уже крепко спала, смертельно устав после тяжелой смены. Постаравшись не шуметь, я пробралась на кухню, отыскала в холодильнике готовый сэндвич и унесла этот скромный ужин к себе в комнату.

Стоило переступить порог, как мне в глаза бросилась удивительная деталь: сломанная дверца шкафа была аккуратно

отремонтирована. Заинтригованная, я потянула её на себя. Внутри обнаружилась короткая записка, на которой лежала безупречная алая роза.

«Прости за исчезновение. А. В.».

У меня перехватило дыхание. Но когда он успел починить мой шкаф? Неужели пробрался сюда, пока я была на уроках? Разве у него не должно было быть занятий в это время? Теряясь в догадках, я торопливо съела сэндвич. Пришла пора ложиться. Быстро приняв горячий душ и приготовив одежду на завтра, я скользнула под одеяло.

Голова кружилась от мыслей о нашем первом, невероятно страстном поцелуе. Мне до безумия хотелось повторить его. Я перевела взгляд на цветок. Точно такие же розы он вчера подарил моей матери. Терпеть не могу розы. Общество их слишком переоценивает. Они капризные, колючие, а этот вызывающий пунцовый цвет просто мозолил мне глаза. Но эта роза была от Адама. Только поэтому я решила её оставить. Я буду бережно хранить этот цветок, даже когда он окончательно высохнет.

Поздней ночью тишину комнаты бесцеремонно нарушила короткая вибрация телефона. Мой сон и без того был тревожным, так что я мгновенно проснулась. Мне редко кто-то писал, тем более в такой час. Обычно это были либо мама, либо бабушка, но время давно перевалило за полночь — кому могло не спать в такую глушь?

Смартфон лежал на тумбочке у изголовья, так что тянуть-

ся далеко не пришлось. Нашупав корпус в темноте, я первым делом отключила звук. Поначалу я хотела отложить его до утра, списав всё на дежурное уведомление о погоде, но сон как назло окончательно испарился. Какое-то странное, липкое предчувствие заставило меня зажечь экран, нарушая полумрак моих фантазий.

Заглянув в дисплей, я вскрикнула от неожиданности и резко села на кровати, судорожно зажав рот ладонью, чтобы не разбудить маму.

На экране светилось сообщение от неизвестного номера. Это был Адам. Он желал мне спокойной ночи и строго просил никому не давать этот контакт. Мой возлюбленный учитель думал обо мне перед сном! Сердце заколотилось в груди как бешеное, пальцы мелко задрожали от волнения, а по телу разлилась волна густого, пьянящего тепла. Откуда он взял мой номер, мне в тот миг было абсолютно неважно. Наверное, просто попросил у мамы. Набрав торопливый, робкий ответ с пожеланием сладких снов, я спрятала телефон глубоко под подушку и обессиленно откинулась на спину.

В комнате царил тьма, но мои глаза уже привыкли к полумраку, легко различая знакомые контуры мебели. И тут я заметила еще одну странность.

Окно было неплотно прикрыто. Его створка оставалась слегка приоткрытой, хотя в нашей семье это окно вообще никогда не трогали. «Может, мама заходила проверить меня, пока я пропадала в лесу?» — пронеслась ленивая мысль.

Я поднялась с постели и подошла к подоконнику. За стеклом расстилалась безупречно чистая, без единого облачка ночь, залитая призрачным сиянием огромной полной луны. Картина выглядела невероятно красиво и романтично. Недолго полюбовавшись на холодное ночное светило, я вернулась в постель и поплотнее укуталась в одеяло. Подушка теперь казалась удивительно мягкой. Душа пела от абсолютного, пьянящего счастья, хотя измученное тело отчаянно молило об отдыхе. Через пару минут я с блаженной улыбкой на лице окончательно погрузилась в царство снов.

— Милая, пора вставать, — донесся до меня чуть слышный, ласковый мамин голос.

Я с трудом протерла глаза и неохотно оторвала потяжелевшую голову от подушки. Взгляд упал на будильник: 8:07 утра. Проклятье, я совершенно забыла завести его с вечера. В комнате царила непривычная, бодрящая прохлада. Посмотрев в сторону окна, я мгновенно вспомнила свои ночные растерянные мысли — створка так и осталась слегка приоткрытой. Вот откуда взялся этот легкий холодок.

Мама, словно прочитав мои мысли, подошла к подоконнику и с тихим щелчком закрыла окно.

— Ох, моя девичья память, — виновато прощепетала она, повернувшись ко мне. — Совсем забыла закрыть его вчера, когда проветривала твою спальню перед сном. Ах да, чуть не забыла! Когда я днем заносила твои чистые вещи, чтобы убрать в шкаф, то заметила эту сломанную дверцу. И пред-

ставляешь, прямо в этот момент мне на мобильный позвонил Адам. Я возьми да и поделись с ним нашим маленьким бытовым несчастьем, а он тут же предложил помощь. У него как раз образовалось «окно» между вторым и четвертым уроками. Так что к твоему возвращению из школы всё уже было отремонтировано.

Мама еще немного постояла у постели, глядя на меня с той особой, щемящей материнской любовью, после чего поспешила на кухню — готовить завтрак.

Я осталась сидеть на кровати, и в голове пазл наконец сошелся. Вот, значит, почему окно оказалось открытым, а дверца — починенной. Но если Адам умудрился незаметно спрятать в шкаф записку и розу, значит, в какой-то момент матушка всё-таки выходила из комнаты и оставляла его одного. В груди разлилось тепло. Мама настолько безгранично доверяет Адаму, что впускает в наш дом в свое отсутствие. Значит, и мне можно доверять ему целиком и полностью.

Помня о строгой просьбе Адама не привлекать к себе внимания, я решила больше не экспериментировать со школьными нарядами. Быстро закончив с утренними водными процедурами, я натянула самый простой, нежно-голубой спортивный костюм. Волосы на этот раз решила собрать в высокий хвост.

Однако, едва я критически осмотрела свое отражение в зеркале, как внутри всё сжалось от досады: из-под натянутых волос нелепо и уродливо торчали уши. Я попробовала

выпустить несколько прядей у висков, чтобы хоть как-то замаскировать их, но, к моему великому сожалению, эти жиденькие локоны не смогли скрыть мои «локаторы». Странно, почему раньше я никогда не замечала, насколько ужасно и карикатурно они оттопыриваются? Нельзя, ни в коем случае нельзя, чтобы Адам увидел это убожество. Наверное, эта деталь тоже передалась мне от отца. У мамы-то ушки всегда были аккуратными, маленькими, с чуть заостренными кончиками. Она вообще со своей внешностью неуловимо напоминала лесного эльфа или дриаду — об этих мистических лесных существах я много читала в древних мифологических сказаниях народов мира. В итоге, промучившись у зеркала, мне пришлось отказаться от высокого пучка и вернуться к своей привычной, серой прическе — низкому, тутому хвосту.

Когда я спускалась вниз по старой деревянной лестнице, чьи скрипучие ступени сохранили на себе отпечатки чужих шагов еще задолго до нашего переезда в этот уютный, но знатно потрепанный временем дом, до моих ноздрей внезапно долетел знакомый, едкий запах табака.

Я замерла. Мама стояла прямо в распахнутом проеме входной двери и с кем-то живо, увлеченно разговаривала. Окончательно преодолев последние ступени, я робко выглянула из-за её плеча.

На пороге стоял Адам.

Он задумчиво, мягко улыбался моей матери. Сегодня он

выглядел на удивление отдохнувшим, и от этого казался мне еще более прекрасным, статным и недостижимым. На нем были надеты широкие темно-серые джинсы, коричневое пальто превосходного кроя — судя по всему, очень дорогое, — а в руке он привычно сжимал свою кожаную рабочую папку. Вот только из-под пальто виднелась всё та же знакомая зеленая рубашка. И сейчас она выглядела еще более помятой и жеваной, чем в нашу прошлую встречу.

— Адам, ты можешь приносить свои вещи мне, я буду их гладить. Не следует учителю истории ходить в подобном виде, — с едва скрываемой ноткой брезгливости произнесла мама.

Она всегда была помешана на том, чтобы всё вокруг выглядело безупречно. Одежда, прическа, обувь, идеальный порядок в комнатах и даже подача еды. Единственным исключением оставалась моя спальня. Раньше мы постоянно скандалили из-за этого, пока до мамы наконец не дошло, что я всего лишь ребёнок и у меня свой мир. Тогда она отступила, наши отношения наладились, и с тех пор она была моим единственным близким другом. Конечно, до встречи с Адамом Виттчесом.

— Хлоя, я ведь уже говорил тебе, что у меня совершенно нет на это времени. Зачем мне тратить драгоценные минуты на такую бытовую мелочь? — с мягкой улыбкой отмахнулся Адам.

— Ох, но ты же такой статный мужчина! К тому же, мне

это не доставит абсолютно никаких хлопот, — продолжила свои бессмысленные уговоры мама.

— Нет. Не нужно меня уговаривать, — учитель жестко поставил точку в этом споре и наконец перевел взгляд на меня.

Его лицо мгновенно изменилось. Легкая, приветливая улыбка тут же сошла с губ, а карие глаза странно сузились, сканируя меня с ног до головы. Было очевидно: он проверял мой внешний вид, чтобы убедиться, что я послушалась и не умудрилась нацепить что-то привлекающее внимание. Я предательски покраснела под этим тяжелым взглядом и невольно ссутулилась. Адам едва заметно, одобряюще кивнул.

В это время мама вовсю крутилась перед зеркалом в прихожей, поправляя пышные рыжие волосы. Параллельно она попросила меня:

— Хина, зайди после школы в маркет через дорогу. Купи хлопьев и молока. Завтра я уйду на смену слишком рано, готовить полноценный завтрак будет некогда.

— Мистер Виттчес, а почему вы пришли к нам так рано? — необдуманно, повинуясь внутреннему импульсу, спросила я.

— Твоя мама попросила меня отыскать и занести её старый девичий дневник. По счастливой случайности она оставила его в доме моих родителей много лет назад, — отстраненно и сухо ответил Адам.

— Я его у дедушки во всех коробках искала, представляешь, Хина? — как-то совсем по-детски, восторженно подтвердила матушка. — А мой дневник, оказывается, столько лет пылился в поместье Виттчесов! Адам, раз уж Хина уже собралась, а ты еще не ушел, может, проводишь её до школы?

— Я бы с радостью, но у меня сейчас неотложные дела. К тому же, моих занятий в эти часы в расписании нет, — вежливо, но непреклонно отказался он.

— Ну, все равно спасибо, что заглянул, — ответила мама, наконец оторвавшись от своего отражения. — Надеюсь на скорую встречу.

Адам коротко кивнул ей на прощание, развернулся и пошел прочь по дорожке своей странной, прихрамывающей походкой.

Видимо, мне никогда не привыкнуть к его ледяной отстраненности на людях. К тому, как технично он игнорирует меня в присутствии других. Но ведь я сама сделала этот выбор. Сама решила быть с ним, а значит, обязана безоговорочно принимать все условия нашего тайного, пугающего контракта.

Мама поспешила уйти на работу, на прощание нежно поцеловав меня в щеку и пожелав удачного дня. Когда входная дверь с тихим щелчком закрылась, я осталась стоять в полной, звенящей тишине. Одиночество тут же накрыло меня, а мысли завертелись вокруг предстоящего урока истории. Бу-

дет ли Адам снова прилюдно унижать меня на глазах у всего класса? Или опять вызовет к доске Сью, чтобы окончательно выжечь любые подозрения в нашей тайной связи? От этих предположений внутри становилось липко и неуютно.

Бросив короткий взгляд на свое отражение в зеркале, я нервным жестом поправила пряди. Но как бы я ни старалась, мои жидкие волосы упрямо отказывались ложиться так же безупречно, как у мамы. Тяжело вздохнув, я вышла на крыльцо и заперла дверь на ключ. По привычке я спрятала его под искусственный булыжник около пустого вазона. Летом здесь пышно цвели мои любимые белые гортензии, но сейчас, на пороге ноября, на месте прекрасных соцветий сиротливо торчали лишь сухие, безжизненные палки.

Погода стояла привычно пасмурная. Резкий, прохладный ветер нежно коснулся лица, и это мимолетное прикосновение внезапно всколыхнуло в памяти воспоминания о нашей с Адамом поездке в тот глубокий, пахнущий мхом и сыростью лес. Щеки мгновенно опалило жаром. По телу разлилось густое, томительное тепло, заставившее мурашки врассыпную броситься по коже. Мне отчаянно хотелось прожить этот момент снова и снова. Но нужно было идти дальше. колледж ждала.

Перед первым уроком английского мне необходимо было забрать учебник. На мою беду, прямо у моего шкафчика, оккупировав коридор, стояли Сью и Кайл. Стоило мне приблизиться, как стало понятно: они караулили именно меня.

— О, привет, рыжая свинка! А мы тебя уже заждались,
— ехидно пропела блондинка, медленно выдвигаясь мне навстречу.

— Сью, ну зачем ты так грубо? Она ведь не виновата, что родилась с такой страшной мордашкой и нелепым гнездом на голове, — с приторным сарказмом подхватил Кайл.

— Кайл, ты вообще видел, как эта мышь вырядилась вчера? — Сью злорадно рассмеялась, глядя мне прямо в глаза.
— Свинка явно положила глаз на Виттчеса! Ха-ха-ха, да он же тебе в отцы годится! Ты и вправду возомнила, будто способна охмурить такого богатого, серьезного и симпо...

Она осеклась на полуслове, краем глаза испуганно мазнув по лицу своего недалекого бойфренда, стоявшего рядом, и поспешно исправилась:

— ...такого человека! Да ты просто невообразимая идиотка, Коулнс!

Ноги едва удерживали меня, а сердце колотилось с такой бешеной скоростью, словно отчаянно пыталось выпрыгнуть из груди и улететь на другую планету. Я стояла, намертво вцепившись рукой в открытую металлическую дверцу своего шкафчика, и боялась сделать даже лишний вдох.

Как? Откуда они узнали? Что же теперь будет?.. Его с позором уволят, а маму начнут презирать и обсуждать на каждом углу. Нужно было бежать, скрыться, но куда? Я сроду не обладала выдающимися спортивными навыками, в отличие от стоявшей передо мной двоицы. Сью с детского сада про-

фессионально занималась фигурным катанием, а Кайл и вообще был капитаном школьной баскетбольной команды. Они бы догнали меня в два счета.

— Что здесь происходит? — словно раскат грома среди ясного неба, раздался из-за их спин резкий голос Адама.

— Мистер Виттчес! А вы знали, что наша Хина Коулнс в вас тайно влюблена? — выпалила Сю прежде, чем учитель успел вставить хоть слово.

В этот момент мне словно влепили хлесткую пощечину наотмашь. Глаза мгновенно налились горячими, жгучими слезами, и я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться прямо здесь, на глазах у всей школы.

— Что за нелепый вздор? — грубо оборвал её Адам. — Вы стоите здесь и посреди коридора унижаете человека, к тому же вдвоем. Видимо, вы окончательно позабыли дорогу к кабинету директора? Если я услышу от вас хотя бы малейший намек на подобную грязь, я лично за шиворот отведу вас к мистеру Спайку. Вопросы есть?

— Но, мистер Виттчес, это же чистая правда! Вы видели, как она вырядилась вчера? — в отчаянной попытке оправдаться Кайл почти перешел на жалобный, приглушенный крик.

— Я не желаю слушать ваш малолетний бред, молодые люди. Я даже не заметил, какие вещи были на ней надеты. Вы что, хотите досрочного отстранения от занятий? — с пугающей, леденящей кровь жестокостью процедил учитель.

Сью и Кайл испуганно, синхронно покачали головами, после чего поспешили трусливо ретироваться.

Адам медленным жестом поправил воротник своей неизменно мятой рубашки. На долю секунды он слегка повернул голову в мою сторону, наградив меня тяжелым, пронизывающим взглядом, в котором отчетливо читалось явное презрение.

— Вам крупно повезло, Коулнс, что я оказался рядом, — сухо и абсолютно безжизненным тоном произнес он, после чего развернулся и пошел прочь по коридору.

Мою голову мгновенно затопил хаотичный поток мыслей, перечеркивающих друг друга. Он мой спаситель. Мой истинный герой. Мне действительно невообразимо повезло, что он закончил со своими делами и появился у шкафчиков именно в эту секунду. Неизвестно, сколько еще грязи вылила бы на меня эта парочка, если бы не его вмешательство.

Но почему тогда внутри всё так мучительно, невыносимо болело? Я рассудком понимала, что Адам просто защищал меня и себя единственным доступным ему, безопасным методом. Понимала, но легче от этого не становилось. Его холодное напускное презрение ранило не хуже слов Сью.

Последний удар ждал меня в конце дня. Урок истории внезапно отменили. Стало известно, что Адам отпросился у мистера Спайка по каким-то срочным и важным делам — вроде как ему нужно было отвезти в окружную больницу свою пожилую мать. Я плелась к выходу из школы глубоко

огорченная. Мне так отчаянно хотелось побыть с ним наедине после всех этих уроков, получить хотя бы каплю утешения... Вместо этого пришлось в полном одиночестве отправиться домой.

Подойдя к крыльцу, я первым делом подняла искусственный булыжник. Ключ по-прежнему лежал на своем месте, но как-то странно — совсем не так, как я оставляла его утром. «Наверное, мама возвращалась домой в обеденный перерыв или что-то забыла перед сменой», — лениво подумала я. Выудив металл из-под камня, я отперла дверь. На неслушающихся ногах поднялась по лестнице, зашла в спальню и обессиленно рухнула на кровать прямо в одежде. В голове царил удивительная, звенящая пустота — ни единой мысли, ни одной эмоции. Веки мгновенно налились свинцом, погружая меня в глухую темноту. Я почти мгновенно провалилась в беспамятство.

Меня разбудил короткий, требовательный писк нового уведомления. Кое-как нащупав остатки сил, я заставила себя сесть на постели. За окном уже стояла глухая, непроглядная ночь, и в комнате, соответственно, тоже царил полумрак. Взгляд упал на светящийся циферблат будильника: минутная стрелка упрямо указывала на семерку, а часовая — на девятку. Тридцать пять минут десятого.

Мобильник остался в рюкзаке, поэтому мне пришлось подняться и подойти к столу. Достав средство связи, я увидела сообщение от Адама. Он прислал фотографию моей за-

колки в виде белой гортензии и предложил прямо сейчас за-
везти её, пока моей мамы нет дома. В конце он добавил, что
Хлоя осталась на ночную смену.

Внутри шевельнулось странное удивление. Мама ничего
не говорила мне о том, что задержится на работе на всю
ночь. Она сообщила об этом Адаму, а не мне? Получается, в
последнее время они стали общаться действительно часто...
Впрочем, радость от его скорого визита мгновенно заглуши-
ла эти мысли, и я торопливо набрала соглашающийся ответ.

Пока он ехал, я решила переодеться в домашнее. Со спин-
ки стула я подхватила короткие белые шорты и облегающую
мятную майку. Быстро скинув школьный костюм, я распу-
стила хвост и принялась массировать пальцами голову, из-
рядно затекшую от целого дня под давлением тугой резинки.
Затем я взяла свою любимую деревянную расческу и акку-
ратно разгладила рыжие пряди, позволив им волнами упасть
на плечи.

Ровно через десять минут в тишине дома раздался требо-
вательный трель дверного звонка. Сердце сделало кувырок,
и я поспешила спуститься вниз, чтобы впустить своего горя-
чо любимого Адама.

— Адам! Я так рада тебя видеть! — выдохнула я, сияя от
неподдельного, захлестнувшего меня восторга.

— Я тоже рад тебя видеть, — спокойным, обволакиваю-
щим тоном отозвался учитель.

Он замер на пороге, и его карие глаза внезапно вспыхнули

странным, голодным огнем. Адам пристально, не скрываясь, оглядел меня с ног до головы, на несколько секунд дольше обычного задерживая тяжелый взгляд на моих ногах, талии и груди. Двусмысленно, как-то хищно улыбнувшись, он переступил порог.

В ту же секунду до меня долетел шлейф его нового парфюма — дорогого, тяжелого, в котором отчетливо читались терпкие ноты сандала, мускуса и выделанной кожи. Но даже этот пьянящий, истинно мужской аромат не мог до конца перебить едкую вонь недавно выкуренной на крыльце сигареты.

Сегодня на учителе были свободные серые джоггеры и черная футболка оверсайз. На груди красовалась размашистая латинская цитата Юлия Цезаря: «Veni, vidi, vici», что переводилось как «Пришел, увидел, победил».

— Чудесно выглядишь, — произнес Адам каким-то странным, вкрадчивым тоном, от которого по спине пробежали мурашки. — Этот наряд весьма выгодно подчеркивает твои плюсы.

Глава 5

Иголка, жгут,
Боль, вена, вдох.
За это, музыкант, готовы все отдать вы.
Готовы вы убить
Любых пройдох,
Но сами умерли за это все.
Увы.

Утренний звонок будильника вырвал меня из сна, но привычного раздражения не было. Напротив, едва открыв глаза, я ощутила, как сознание затапливают воспоминания о вчерашнем визите Адама. Они плавно окутывали меня, словно самое теплое и мягкое одеяло. Это был наш первый раз...

Накануне вечером, переступив порог, Адам окинул прихожую внимательным взглядом, словно оценивая обстановку. Он пришел к нам всего в третий раз, но безошибочно направился вверх по скрипучей деревянной лестнице к моей комнате. У самых дверей он обернулся и коротким кивком пригласил следовать за ним. Сердце зашло в восторге; ведомая предвкушением близости, я буквально вспорхнула по ступеням вслед за своим учителем.

Моя спальня вряд ли показалась бы уютной большинству людей, но Адам чувствовал себя здесь на удивление комфортно. Обстановка была хаотичной и тесной: прямо под ок-

ном расположился рабочий стол, заваленный учебниками, скомканными листами бумаги и письменными принадлежностями. Там же сиротливо лежал пакет от моего любимого изумрудного платья и школьный рюкзак. Справа высилась наспех заправленная полутораспальная кровать. Фисташковое постельное белье пестрело принтом из разбитых красных сердец. На подушке покоилась единственная мягкая игрушка — лисица с пушистым хвостом. Подарок бабушки Филиппа, который ласково звал меня своей лисичкой.

У изголовья кровати громоздким темным силуэтом застыл старый платяной шкаф, формой пугающе напоминающий гроб. Чуть поодаль стоял бежевый косметический столик — единственная новая вещь в комнате, купленная в магазине, а не оставшаяся от прежних хозяев. На нем хаотично расположились нежно-розовая косметичка, флакон ванильных духов с кричащим названием «Детская сладость», любимая деревянная расческа, пара шелковых резинок и грязная пустая тарелка.

Пространство между столом и шкафом занимало старое кресло. Когда-то ярко-красное, теперь оно выцвело до мутно-кораллового оттенка и всем своим видом демонстрировало старческий цинизм. Окончательно вгоняя меня в краску, на его подлокотнике висел ком грязной одежды. Желтеющие от времени обои, когда-то бывшие белоснежными, безмолвно молили о замене, а пушистый ковер под ногами давно посерел от старости. Мда, стоило навести хотя бы подобие по-

рядка перед приходом Мистера Виттчеса.

Учитель, проявив хозяйское хладнокровие, молча собрал мои вещи с кресла и унес их в ванную, в корзину для белья. Опешив от такой бесцеремонности, я бросилась ликвидировать остальной беспорядок: принялась судорожно сгребать со стола бумажки, то и дело промахиваясь мимо мусорного ведра, а тарелку торопливо унесла на кухню, привычно пообещав себе помыть раковину позже.

Когда я вернулась, Адам уже восседал в кресле, вальяжно закинув ногу на ногу и положив ладони на потертые бортики «кораллового мудреца». Всем своим царственным видом он напоминал великого правителя, заставляя мое сердце трепетать от восторга. Я робко опустилась на край кровати, поджав ноги к груди и обхватив колени руками.

В давящей тишине Адам медленно запустил руку в левый карман брюк и нащупал мою заколку в виде белой гортензии. Не отрывая оценивающего взгляда от интерьера спальни, он достал её и глухим стуком опустил на косметический столик. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Пытаясь разрушить эту ледяную стену молчания, я решилась задать учителю вопрос.

— Почему ты хромаешь? Ты где-то поранился? — спросила я, и в моём робком голосе проскользнула совсем детская, глупая наивность.

— Это пустяки, не обращай внимания. На раскопках немного повредил колено, — отрезал он, чётко дав понять,

что развивать эту тему не намерен.

Адам медленно поднялся с кресла и подошёл к окну. Распахнув створку, он неторопливо закурил. Едкий, удушливый сигаретный дым мгновенно заполнил комнату. Опешив от такой бесцеремонности, я лишь молча наблюдала за ним.

— Ничего, сейчас распылим твою «детскую сладость», и всё пройдёт, — с едва заметной ноткой издевательства произнес учитель.

Я промолчала. Пусть мне до тошноты не нравился табачный дым, Адаму это сейчас было необходимо. Наверное, его что-то сильно тревожило. Нервно перебирая рыжие пряди, я лихорадочно соображала: если мама почувствует этот запах, она во мне разочаруется. Придётся соврать, будто под окнами курили какие-то подростки. Надеюсь, она поверит.

Высунув руку наружу, Адам потушил окурочок под проливным дождем и спрятал его обратно в пачку. Затем он шагнул к бежевому столику, взял мой флакон и принялся щедро брызгать им по комнате. Он сделал ровно семь нажатий. Но приторный аромат дешёвого парфюма не смог заглушить тяжёлый запах табака. Впрочем, Мистера Виттчеса это не волновало. Словно он заранее знал, что в случае чего я без раздумий прикрою его перед матерью.

Учитель медленно, не отрывая от меня томного, леденящего взгляда карих глаз, в глубине которых изредка вспыхивала странная искра, стянул через голову футболку. Его крепкий, слегка подтянутый торс уродовал свежий шрам

продолговатой формы. А над левой грудью, прямо под ключицей, едва заметно темнела маленькая татуировка — «1804». Я вспомнила уроки: именно в этот год самопровозглашённый французский император Наполеон Бонапарт начал свои великие завоевания [Википедия]. Адам действительно был одержим историей.

Одним резким движением он оказался рядом. Сжал мои ладони, вынуждая подняться с кровати. Не отрывая взгляда от моей груди, учитель потянул вверх майку, обнажая тело. Я сгорала от стыда, но даже не попыталась прикрыться. Адам опустил на колени и медленно стянул с меня шорты вместе с бельем. Он держал голову слегка приподнятой, будто не желая смущать меня ещё сильнее, но моё лицо уже пылало. Я растерянно прятала трясущиеся руки за спиной.

Внезапно Адам выпрямился и одним толчком повалил меня на матрас, заставив лечь на живот. Раздался шуршащий звук снимаемой одежды, предвещающий скорое лишение невинности. А затем тишину спальни безжалостно разорвал резкий треск разрываемой серебристой упаковки презерватива.

— Будет больно, но тебе придётся потерпеть, — ледяным, совершенно отстранённым тоном предупредил учитель. — И постарайся не кричать.

В этот миг мне впервые стало по-настоящему страшно. Я и подумать не могла, что перед удовольствием нужно пройти через боль.

Резкий толчок. Я судорожно зажала рот ладонями, из последних сил сдерживая крик. Эту боль невозможно было передать словами — меня словно резали изнутри. Новые толчки накатывали один за другим, заставляя меня страдать. Глаза переполнились слезами, и сдерживать крик больше не получалось. Тогда Адам сам накрыл мой рот своей тяжелой ладонью, ни на секунду не останавливаясь. Его прерывистое дыхание говорило о скором финале. Я мысленно молилась, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Но вскоре острая боль отступила, уступив место какому-то неземному, дурманящему наваждению. Сама того не замечая, я начала негромко стонать, ловя и повторяя каждое его движение. Тело инстинктивно выгибалось навстречу, позволяя учителю входить ещё глубже. Через семь минут Адам издал тихий, грубый стон. Он быстро поцеловал меня в затылок и ушел в ванную, смывать с себя пот и следы моей невинности. Для меня всё произошедшее стало незабываемым, волшебным воспоминанием.

Из лабиринта этих мыслей меня резко выдернул громкий голос мамы:

— Милая! Скорее собирайся, а то опоздаешь! — донеслось с кухни.

Сладко потянувшись, я поднялась с кровати. Окинув взглядом смятую постель, я похолодела: на простыне расплывалось бурое пятно крови, напоминавшее о моем ночном госте. Быстро сорвав белье, я унесла его в ванную, засыпала

порошок в стиральную машину и запустила быстрый режим. Оставалось надеяться, что ткань отстирается и мама ничего не заметит.

Настроение было отличным, и его лишь подогревала утренняя погода. На улице вовсю светило осеннее солнце, пробиваясь сквозь мелкую сетку грибного дождя. Сливаясь воедино, они рисовали в небе яркую, чистую радугу. Этот прекрасный пейзаж показался мне символом нашего единения с Адамом.

Я вспомнила, как после душа он лег рядом, бережно укрывая меня своими большими, крепкими руками. В тот миг казалось, что его объятия способны защитить меня от всего опасного и жестокого окружающего мира.

— Я должна кое-что спросить, — робко прошептала я тогда, боясь задеть его чувства. — С нашей первой встречи наедине в лесу ты практически ничего о себе не рассказывал. Может, пришло время поделиться своим прошлым?

В ту же секунду Адама словно подменили. Лицо его окаменело. Он резко поднялся с кровати, молча натянул одежду и буквально вылетел из комнаты. Судорожно завернувшись в одеяло, я бросилась следом за ним на лестницу.

— Адам, прости! Я не думала, что тема прошлого тебя так ранит!

Учитель резко застыл на ступенях. Всё его тело было напряжено до предела: руки и ноги заметно подергивались, дыхание стало тяжелым, а кулаки то сжимались, то разжима-

лись с глухим хрустом. Мне стало по-настоящему страшно; я до дрожи боялась, что он снова сорвется на крик. Что же в моем невинном вопросе так сильно его задело?

— Мне пора, — сухо бросил Адам через плечо и ушел, захлопнув за собой входную дверь.

Он снова оставил меня один на один с бушующим ро-ем мыслей. И только сейчас, стоя на скрипучей лестнице, я вспомнила, чем на самом деле закончился его визит. Внутри всё болезненно перевернулось. Я до ужаса боялась потерять человека, который уже успел стать для меня целым миром. Что со мной будет, если Адам больше не вернется?

— Хина! Ты слишком долго собираешься! — мамин голос с кухни вернул меня к реальности, напоминая о школьных занятиях.

Я быстро оделась: натянула чёрный топик, поверх него — сливочную кофту с капюшоном на молнии и свободные чёрные джоггеры. Волосы решила заплести в небрежную косу. С такой причёской часто ходила моя мама, и мне казалось, что этот стиль идеально подчеркивает рыжие пряди. Подхватив рюкзак, я бросилась вниз по лестнице, но у самых нижних ступеней краем глаза заметила порванную серебристую упаковку. Подняв её, я оцепенела от ужаса — это был фантик от презерватива. Судорожно запихнув улику в карман, я забежала на кухню и опустилась на стул. Мама сидела напротив, неторопливо попивая чай.

На завтрак был сэндвич с ветчиной, салатным листом и

сыром, слегка заправленный майонезом. Стараясь не встретиться с мамой взглядом, я принялась торопливо его поедать.

— Хина, ты снова забыла купить то, о чём я просила, — попыталась строго отчитать меня мама, хотя по-настоящему суровый тон ей никогда не давался.

— Извини, мамуль. Были сложные контрольные, и твоя просьба просто вылетела из головы, — соврала я, отводя глаза.

Мама всегда видела меня насквозь. Она прекрасно понимала, что я лгу, но не стала давить и сделала вид, будто поверила. Наверное, ей просто не хотелось портить утро ссорой.

— Ох, милая. Ну, раз так, придётся мне самой сходить за молоком и хлопьями, — подытожила она.

Быстро доев завтрак, я подошла к матери. Виновато склонив голову, я крепко обняла её. Мы тепло попрощались, и я направилась в школу.

Учебный день тянулся невыносимо медленно. Сюсю со своей компанией то и дело бросали в мою сторону косые, колющие взгляды, но подходить не решались. Видимо, утреннее вмешательство Адама подействовало на них отрезвляюще.

Четвёртым уроком стояла история. Класс уже гудел, рассевшись по местам, когда прозвенел звонок. Но преподавателя не было. Даже спустя пятнадцать минут Мистер Виттчес не появился. Это казалось странным: об отмене занятий нас никто не предупреждал.

Внезапно дверь распахнулась и с оглушительным грохотом ударилась о стену. На пороге возник взбешённый Адам. Его ноздри раздувались от тяжелого дыхания, карие глаза полыхали яростью, а губы застыли в гневной гримасе.

— Я спрошу лишь один раз: чья это вещь?! — прогремел его голос, не предвещающий ничего хорошего.

В высоко поднятой руке учитель сжимал мою фотографию, на которой бордовой помадой было выведено признание в любви. Он сдавливал снимок с такой силой, что глянцева бумага жалобно трещала, готовая вот-вот лопнуть.

Мои глаза округлились от шока; казалось, они готовы вылететь из орбит. Щёки предательски вспыхнули, лицо залила краска. Кто-то явно устроил мне жестокую подставу.

В классе воцарилась мёртвая, оглушающая тишина. Слышны были лишь яростные вдохи Адама и ненормально частый, гулкий стук моего собственного сердца. И вдруг с места вскочила Молли. Её лицо выражало крайнее обескураженность.

— Это же моя помада! Сью, зачем ты извела её на фото этой свинки?! — не подумав о последствиях, выпалила жгучая брюнетка.

Пазл мгновенно сложился. Всем стало ясно, что Сью «одолжила» косметику подруги, чтобы подставить меня. Какая подлая, тошнотворная низость! Но по лицу блондинки было видно, что она не ожидала от Молли такого предательства. Сью резко побледнела. Яркими пятнами выделя-

лись лишь покрашенные румянами щёки. Её трясло, словно последний кленовый лист на ветру, отчаянно пытающийся удержаться на ветке под порывами осенней бури. Уголки пухлых губ были скорбно опущены. Весь её облик кричал о виновности.

— Сью Пайнс остаётся. Остальные свободны. Занятия не будет, — процедил Адам, с трудом сдерживая клопочущий крик.

Учитель отступил в сторону, освобождая проход. Когда я проходила мимо, то приготовилась ощутить испепеляющий гнев Мистера Виттчеса. Но, робко подняв взор, я поняла, что ошиблась. Его взгляд не испепелял. Карие глаза Адама буквально пожирали меня, пытаюсь пробраться под кожу, в самую глубину души.

После отменённого урока истории я в глубокой тревоге направилась в школьный дворик. Дождь прекратился, но вместе с ним исчезло и солнце. Небо заволокло тяжёлыми, иссиня-чёрными грозовыми тучами, предвещавшими скорый ливень. Где-то вдаль уже рокотали первые раскаты грома. Они пугающе напоминали мне те самые громкие, тяжёлые шаги над головой — шаги Адама, уходящего от меня после нашей близости. Резкий порыв ветра донёс до меня густой аромат корицы и шоколада. Так пах дорогой брендовый парфюм Молли.

Брюнетка подошла ближе и зябко обхватила себя руками, пытаясь защититься от пронизывающего ветра. В её поведе-

нии больше не осталось прежней спеси или желания оскорбить меня. Напротив, Молли выглядела виноватой и была настроена на удивление дружелюбно.

— Хина, я не думаю, что ты заслуживаешь такого отношения, — глубоко вздохнув, начала она. — Пусть у тебя ужасный цвет волос и внешне ты выглядишь неряшливо, но лично мне ты не сделала ничего плохого. Это Сью постоянно подначивала нас с Греем быть с тобой жестокими. Ты... ты сможешь меня простить?

Брюнетка искренне, открыто улыбнулась. Конечно, половину её слов можно было счесть за прямое оскорбление, но, зная уровень её ума, я понимала: Молли даже не догадывается, что её фразы могут меня задеть.

Я улыбнулась в ответ. Впервые за долгие годы издевательств Молли пришла ко мне с повинной. Неужели это значило, что у меня наконец-то появилась подруга?

— Молли, я не держу на тебя зла. Ты просто шла на поводу у обиженной Сью, не более того. Я принимаю твои извинения, — с искренней радостью на душе ответила я.

— Спасибо, Хина! Может, встретимся сегодня после занятий в торговом центре? Я присмотрела там такую чудесную сумочку, ты просто обязана её увидеть!

— Да, почему бы и нет, — согласилась я, совершенно не ожидая такого предложения.

— Отлично! Я скину тебе время чуть позже. До скорого, Хина! — радостно взвизгнула брюнетка.

— До встречи, — попрощалась я.

Молли торопливо убежала к стоявшему неподалёку Грэю. Она что-то прошептала ему на ухо, после чего снова обернулась в мою сторону и помахала рукой. Помахав ей в ответ, я вернулась в здание школы, где уже должен был начаться обед. Аппетита не было совершенно, поэтому я все время просидела в столовой, бессмысленно глядя в окно, за которым вовсю расходился проливной ливень.

После отменённой истории оставалось ещё два урока, на которых Сью так и не появилась. Миссис Раймонд, учительница биологии, угрюмо сообщила, что её и Кайла Нильсона на неделю отстранили от занятий. Что ж, по крайней мере, целых семь дней можно будет перевести дух без их издевательств.

Когда уроки наконец закончились и я вернулась домой, то застала в гостинной маму и Адама. Мама выглядела глубоко встревоженной: она нервно покусывала ногти на изящных пальцах правой руки — её извечная привычка в моменты сильного волнения. Адам сидел напротив неё. Немного расставив ноги, он подался вперёд и сосредоточенно скрестил пальцы в замок — точно так же, как тогда, во время нашей встречи в придорожном кафе.

Меня заметили сразу, едва я переступила порог. Мама и Адам синхронно повернули головы в мою сторону, отчего мне стало немного не по себе. Зачем учитель пришёл к нам домой, да ещё в то время, когда мама ещё не ушла на работу?

— Милая, ты в порядке? Адам рассказал мне о сегодняшней гнусной выходке Пайнс и Нильсона, — тревожно произнесла мама, заглядывая мне прямо в глаза.

— Мама, всё хорошо. Мистер Виттчес пресёк их поведение и отвёл к директору, который отстранил их от занятий на неделю. Но ведь это сделала Сью, при чём тут Кайл? — я перевела вопросительный взгляд на учителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.